

ПРОБЛЕМЫ И КОНЦЕПЦИИ

УДК 5:1(07)(31)

Р. А. ЯРЦЕВ

ТАК ЧТО ЖЕ «РОЖАЕТ» ФИЗИКА,
ИЛИФИЛОСОФСКИЕ ДЕБАТЫ О ЕСТЕСТВОЗНАНИИ
ГЛАЗАМИ НЕПРЕДВЗЯТОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

(ПО КНИГЕ В. И. ЛЕНИНА

«МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»)

Ярцев
Рустэм Альбертович

доцент кафедры автоматизированных систем управления. Дипл. инженер-системотехник по АСУ (УГАТУ, 1988). Кандидат технических наук по автоматизированным системам управления (УГАТУ, 1991). Исследования в области кибернетики, системотехники и их философских проблем.

«...Современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм. Роды болезненные. Кроме живого и жизнеспособного существа, они дают неизбежно некоторые мертвые продукты, кое-какие отбросы, подлежащие отправке в помойник для нечистот. К числу этих отбросов относится весь физический идеализм, вся эмпириокритическая философия...»

В. И. Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм». Гл. V.

ВВЕДЕНИЕ

По большому счету, дело вовсе и не в физике, а в кибернетике и ее философском базисе, разработанном автором под названием субъективного субстанциализма. Новое учение рождается в полемике с философией марксизма, которая из слабого побег гегельянства за годы Советской власти превратилась в закосневшего монстра, оказавшего огромное и во многом негативное влияние на развитие нашей науки. События перестройки, приведшие к полному развалу Советского государства, лишь отчасти подорвали господство этого монстра, превратив марксистскую философию общества — «исторический материализм» — в глазах миллионов наших сограждан из науки в утопию: кто, например, поверит сегодня в неизбежность уничтожения эксплуатации и перехода к бесклассовому обществу, особенно глядя на вялотекущую активность и карикатурную оппозиционность вожаков коммунистической партии? Однако другая часть философии марксизма — «диалектический материализм», — относящаяся, как известно, к природе, сравнительно неплохо выдержала испытание смутным временем и по сей день сохраняет свое влияние на значительное число россиян. Нет, в среде профессионалов-философов «диамату» пришлось,

не удается, потесниться и уступить часть пространства другим, альтернативным учениям, но чтобы седьмая хотя бы одно из них своей популярностью могло потеснить марксизм с того пьедестала, на котором он по-прежнему находится, — говорить об этом пока определенно рано: философы явно не спешат сдавать в архив наследие «красной» науки. Например, В. П. Яковлев считает, что не следует отказываться даже от принципа партийности философии, нужно лишь «внимательно и корректно» обращаться с этим понятием, потому что «философское сознание по природе своей партийно» [2, с. 34–35].

Если теперь взять средь специалистов по естественным и техническим наукам, или, условно говоря, «физиков», то окажется, что марксизму здесь и вовсе нет реально действующей альтернативы: подавляющее большинство из нас, хотя и не особенно ломает себе голову над философскими загадками, но, тем не менее, молчаливо предполагает, что диамат, возможно, и следовало бы кое-где подправить, но оставаться в рамках «физики» и не быть при этом материалистом уж никак невозможно. Распространенное заблуждение, в основе которого лежат материалистические спекуляции на так называемом «наивном реализме» человеческой природы — так вчерашние экзамены по марксистско-ленинской философии дают о себе знать «пережитками прошлого в сознании людей». Впрочем, отдельные специалисты все же поднимаются до уровня философских обобщений, открыто выражая свою приверженность делу призрака, который до сих пор продолжает бродить по Восточной Европе и смущать многочисленных пытливых умы. Яркий пример такого специалиста — это Р. Ф. Абдеев, вчерашний ракетчик, а сегодня — автор «Философии информационной цивилизации» [3], о которой не раз писал наш «Авиатор». Себя Абдеев аттестует как «специалиста-кибернетика в духе воинствующего материалиста» [3, с. 22]. И этот «воинствующий материалист-кибернетик» на с. 46 своего сочинения наповал убивает читателя следующим высказыванием: «механизм управления не придуман людьми, а сформировался в процессе эволюции живой природы. Человек познает его и использует в своих целях». Это все равно, что сказать: «пятистопный ямб лингвист извлекает не из человеческой речи, а из наблюдений за размножением клеток». Вот куда может завести хроническая марксистская привычка опираться на учение Дарвина, чтобы придать достоверности своим домыслам об «объективной реальности, данной нам в ощущениях»! И подобный «перл» в «Философии» Абдеева не единственный.

Говоря о «физиках», следует особо выделить книгу «Материализм и эмпириокритицизм», долгое время обладавшую непререкаемым авторитетом в области философских проблем естествознания. Оценивая этот труд, легионы официальных советских комментаторов утверждали (а миллионы студентов за ними повторяли), что В. И. Ленин в своей книге не только проанализировал важнейшие события в естествознании того времени, дав их «глубокое философское обобщение», но только выявил суть «кризиса физики» и определил пути его преодоления, но и «показал¹, а дальнейшее развитие естествознания подтвердило, что диалектический материализм есть единственно верная философия естествознания, наиболее последовательный и научный метод мышления. Ленинский труд помог многим прогрессивным ученым найти правильную дорогу в своих областях знания, порвать с идеалистической философией, перейти на позиции научного, диалектико-материалистического мировоззрения» [4, с. 16]. Одним словом, цитата о том, что физика «рожает» диалектический материализм, своим глаголом если уже больше и не жжет сердца, то, по крайней мере, режет слух современных исследователей, эхом отдаваясь в их памяти.

Возникает интересная и актуальная сегодня научная задача — посмотреть на страницы ленинской книги взглядом беспристрастного рецензента и по тем же материалам заново разобрать «кризис физики», проверив обоснованность и достоверность изложенных в ней философских выводов. Автор, взяв на себя эту задачу, не уклонился также от обоснования собственной философской позиции по отношению к «кризису физики» и его исторической роли. Конечно, от рассмотрения проблем естествознания можно было бы непосредственно перейти к изложению основ субъективного субстанциализма, но это, как говорится, уже совсем другая история...

1. «КРИЗИС ФИЗИКИ» И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ

Как известно, спор о философской интерпретации достижений физики разгорелся на фоне ошеломляющих успехов этой науки в конце XIX — начале XX столетий. С точки зрения философии победа физической научной мысли оказалась пирровой, ибо повлекла за собой сомнения и раздвоения такого масштаба, что междоусобица тогдашнего ученого мира вошла в историю науки под кодовым драматическим названием «кризис физики». О «кризисе физики» достаточно хорошо известно из многочисленных учебников и его «физическая» подоплека у исследователей разночтений не вызывает: это **крушение традиционных атомистических воззрений и веры в универсальность механики Ньютона**, неразрывно связанных с характерной для «наивного реализма» верой в метафизическую субстанцию, лежащую за пределами наших ощущений и составляющую неведомую сущность наблюдаемых явлений, — так, вслед за открытием электрона и других элементарных частиц выяснилось, что атом, прежде считавшийся неделимым, также «распадается» на отдельные составляющие, масса которых, к тому же, не есть величина постоянная, а зависит от скорости, и, следовательно, может как бы «исчезать».

¹Здесь и далее курсив наш — Р. Я.

«Материя исчезла», — зашумели физики и один за другим стали задумываться над тем, не пора ли очистить свою науку от ненужного теперь понятия. В этих условиях и пробил научно-исторический час философии эмпириокритицизма (махизма), которая строилась исключительно на чувственном опыте как единственно достоверном источнике наших знаний; любые же положения, выходящие за рамки ощущений — как о внешнем мире, так и о познающем субъекте — рассматривались эмпириокритиками как необоснованные, догматические утверждения, которые должны быть отвергнуты ввиду своей антинаучности. Так, Э. Мах выдвинул принцип «экономии мышления», согласно которому предлагалось упразднить из философского обихода ряд метафизических «излишеств» — это понятия материи, духа, субстанции и т. п. Для традиционного субстанциализма пришло время «оправдываться» перед физикой и, в частности, задачей такого рода Ленин занимался в своем «...эмпириокритицизм», интерпретируя новейшие физические достижения с позиций марксистской науки. Существенную помощь ему здесь оказала гегелевская диалектика, трансформированная Энгельсом применительно к процессу познания в материалистическую «диалектику абсолютной и относительной истины», а также другие положения марксизма.

2. МАРКСИЗМ И «РЕАКЦИОННАЯ ФИЛОСОФИЯ»

Уже у Энгельса в [5] содержится «гениальный зародыш»¹ того, что у Ленина разрослось в печально известный «принцип партийности» науки вообще и философии в частности², идея которого состоит в том, что марксисты смело скрещивают философию с политикой и получается примерно следующая картина. В политике прогрессивный рабочий класс антагонистически борется с реакционной буржуазией и его победа исторически запрограммирована. В философии прогрессивным является материалистическое направление, которое также непримиримо воюет против другого основного направления — идеалистического — и тоже рано или поздно должно победить. Нетрудно догадаться, что материализм при этом отписывается в безраздельное пользование рабочему классу, тогда как идеализм объявляется буржуазной, «реакционной» философией. В общем, все совершенно по-максималистски: либо-либо. Либо «они нас», либо «мы их», но в конце концов все же «мы их». Есть еще, конечно, «презренная партия середины в философии», но «кто не с нами — тот против нас», и в заключении к своей книге Ленин, например, указывает на «силошную реакционность эмпириокритицизма, прикрывающего новыми вывертами, словечками и ухищрениями старые ошибки идеализма и агностицизма» [с. 347]. Разбирая «кризис физики», он пытается обосновать этот вывод.

Главная идея ленинских доказательств «реакционности» эмпириокритицизма естественным образом вытекает из изложенных политико-философских принципов марксистской теории и заключается в том, чтобы, не особенно заботясь о средствах (ведь на глобальную прогрессивную цель можно, как известно, все списать), «подсунуть» эмпириокритикам идеализм, по возможности более эффективно разоблачив их «тупоумную претензию «подняться выше» материализма и идеализма» [с. 333] перед лицом кое-кого из товарищей по партии, под тяжестью «кризиса» пренебрегающих внутрипартийной мыслительной дисциплиной. Идея, добавим, никак не подкреплена здравым смыслом человеческой логики, за которой, в конечном итоге, всегда оказывается последнее слово, и которая практически сразу же возобладала в философии, определив для эмпириокритицизма подобающее место на продолжении линии Юма — третьей основной философской линии — где он продолжает находиться и по сей день.

Видимость логической аргументации создается Лениным различными способами. Например, автор «...эмпириокритицизма» незаконно объявляет идеалистическим подход «от субъекта к объекту»³, расширяя тем самым границы применения понятия «идеализм» до гигантской «черной дыры», вмещающей все что угодно, вплоть до материализма. Правда, что в ортодоксальном марксизме данным подходом в открытую предпочитают не пользоваться, ибо он наглядно демонстрирует ущербность всей догматической философии с точки зрения логики (с чего это вы, господа, решили, что вне ощущений существуют какие-то вещи?), но такая позиция еще не означает, что в самом подходе имеются какие-то принципиальные разногласия с линией материализма. «Практическая ценность» ленинской манипуляции налицо — теперь можно говорить об «основных идеалистических посылах» философии эмпириокритицизма [с. 61], о том, что «...все приведенные нами философы (Лвспариус, Мах, Пирсон, Дж. Ст. Милль — Р. Я.), кто прямо, кто с ужимкой заменяют основную философскую линию материализма (от бытия к мышлению, от материи к ощущению) обратной линией идеализма» [с. 141] и что «...в самой основе своей учение Маха и Авенариуса о причинности есть идеалистическая ложь, какими бы громкими фразами о «позитивизме» ее ни прикрывали» [с. 160].

¹ Энгельс доходит даже до курьеза, когда завершает свою работу фразой: «Немецкое рабочее движение является наследником немецкой классической философии» [5, с. 55].

² «Беспартийные люди в философии — такие же безнадежные тушцы, как и в политике» [с. 280]; «Профессора философии — ученые приказчики теологов» [с. 334] и др. При ссылках на «Материализм и эмпириокритицизм» номер источника ([1] в списке литературы) для экономии места не указывается.

³ Ленин называет идеализмом всякую философию, которая «берет за первичное дух, сознание, ощущения» [с. 53]. Однако «первичное» может быть истолковано не только как «порождающая причина», но и как «исходный объект познания» (см. также ответ на критику Пуанкаре в п. 3.2 и сказанное о двух видах «исчезновения» материи в разд. 4).

С другой стороны, эмпириокритики, добровольно отказавшись выходить за пределы ощущений, совершили ошибку — они сами сделали шаг навстречу ленинским начинаниям, поскольку их учение фактически оказалось, выражаясь словами Вундта и Энгельса¹, «наиболее научной в своей стыдливости формой субъективного идеализма». Ведь если не вдаваться в эти самые «стыдливые» подробности (а Лепин, конечно же, и не вдастся, за исключением, может быть, кратковременного «прозрения» на с.64²) и принимать за онтологию эмпириокритицизма только ту ее явную, конструктивную часть, которую данное учение открыто провозглашает и реально использует, пренебрегая другой, скрытой частью, допускаемой «по умолчанию» лишь в качестве внеопытного гипотетического приложения к первой, то тогда, действительно, появится соблазн говорить о принадлежности эмпириокритицизма к идеализму берклианского типа. Анализируя «кризис физики» на страницах ленинской книги, можно видеть, как упомянутая близость онтологии субъективного идеализма и эмпириокритицизма была использована автором для того, чтобы еще раз утвердить в правах упрощенную философскую схему Энгельса, незаконно «сдав» при этом эмпириокритицизм в идеалистическое направление.

Давид Юм (1711–1776)

3. РЕЙ И ПУАНКАРЕ НЕ ВИДЯТ В ФИЗИКЕ МАРКСИСТСКОЙ «БОРЬБЫ»

Разбору «кризиса физики», как известно, Ленин посвятил главу нятую своего сочинения, названную им «Новейшая революция в естествознании и философский идеализм», и уже во введении автор пишет: «...связь новой физики или, вернее, определенной школы в новой физике с махизмом и другими разновидностями (! — Р. Я.) современной идеалистической философии не подлежит ни малейшему сомнению» [с. 246]. Далее, в параграфе первом он излагает суть кризиса физики, цитируя при этом «нового физика» Пуанкаре и позитивиста Абеля Рея.

3.1. О взглядах Рея и Пуанкаре в «правильной» и «неправильной» терминологии

Цитируя Пуанкаре — «не природа дает (или навязывает) нам понятия пространства и времени, а мы даем их природе»; «все, что не есть мысль, есть чистейшее ничто», — Ленин замечает: «Это — выводы идеалистические», далее добавляя, что «Пуанкаре ... не интересуется сколько-нибудь существенно философской стороной вопроса». Сделав такие замечания, он затем подробно останавливается на работе Рея «Теория физики у современных физиков» (1907):

«Традиционная физика до половины XIX века принимала, что достаточно простого продолжения физики, чтобы получить метафизику материи. Эта физика придавала своим теориям онтологическое значение. И эти теории были всецело механические. Традиционный механизм представлял таким образом, сверх результатов опыта, за пределами результатов опыта, реальное познание материального мира. Это не было гипотетическое выражение опыта, — это была догма... (Здесь Ленин вклинивается и комментирует: «Ясно, что он рисует нам материалистическую философию традиционной физики, не желая назвать черта (т. е. материализм) по имени»)». Критические замечания против традиционного механизма, которые были сделаны во второй половине XIX века, подорвали эту предпосылку онтологической реальности механизма. На этой критике утвердился философский взгляд на физику, который стал уже почти традиционным в философии конца XIX века. Наука, по этому взгляду, не более как символическая формула, приемы отметки..., а так как эти приемы отметки различны в различных школах, то скоро сделано было заключение, что отмечается при этом только то, что предварительно создано человеком для обозначения (для символизации). Наука стала произведением искусства... От невозможности держаться попросту и исключительно традиционного механизма заключили к невозможности науки... (заключили к тому, что — Р. Я.) познание реального надо искать другими средствами... Надо идти другим путем, надо вернуть субъективной интуиции, мистическому чувству реальности, одним словом, таинственному, то, что считалось у них отнятым наукой».

¹Первый в работе «О наивном и критическом реализме» (см.[с. 59]) называет эмпириокритицизм «...наиболее научной формой последнего типа материализма, т. е. того типа материалистов, которые в духовном видят функцию телесных процессов...»; второй во «Введении к английскому изданию» работы «Развитие социализма от утопии к науке» (1892) называет последователей Юма «стыдливими материалистами».

²«Кусочек правды есть в этом усиленном подчеркивании нейтральности махизма: поправка Маха и Авенариуса к их первоначальному идеализму всецело сводится к допущению половинчатых уступок материализму. Вместо последовательной точки зрения Беркли получается иногда точка зрения Юма: устраняю вопрос о том, есть ли что за моими ощущениями. А эта точка зрения агностицизма неизбежно осуждает на колебания между материализмом и идеализмом».

В своем комментарии к приведенному тексту Ленин попенял автору «Теории физики...» следующим образом: «Если бы Рей держался правильной (читай: марксистской — Р. Я.) философской терминологии, то он должен был бы сказать: материалистическая теория познания, стихийно принимавшаяся прежней физикой, сменилась идеалистической и агностической, чем воспользовался фидеизм¹, вопреки желанию идеалистов и агностиков» [с. 251].

И далее, отметив, что, согласно Рею, «по гносеологическим своим тенденциям» современные физики делятся на три школы — энергетическую или концептуалистскую (Мах и Дюгем), механистическую или новомеханистическую, «которой продолжает держаться громадное большинство физиков», и промежуточную, критическую школу (Пуанкаре), — автор пишет: «В чем суть двух основных линий (ибо третья является не самостоятельной, а промежуточной), видно из следующих слов Рея: «Традиционный механизм построил систему материального мира... Изменения этого взгляда на физику состоят преимущественно в том, что отбрасывают онтологическую ценность теорий и чрезвычайно подчеркивают феноменологическое значение физики». Концептуалистский взгляд имеет дело с «чистыми абстракциями», «ищет теории чисто абстрактной, устраняющей, насколько возможно, гипотезу материи». «Понятие энергии становится подосновой новой физики. Поэтому концептуалистская физика может быть большей частью названа энергетической физикой», хотя это наименование не подходит, например, к такому представителю концептуалистской физики, как Мах».

Заканчивается параграф еще одной критической репликой насчет «новой» терминологии Рея, которая «не уясняет дела, а затемняет его» и основным выводом о том, что «суть кризиса современной физики состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне познания, т.е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом» [с. 253].

3.2. О том, как можно «давать природе понятия», не будучи идеалистом

Как читатель сам может видеть, в приводимых Лениным цитатах ни Рей, ни Пуанкаре, говоря о кризисе физики, не ведут речь ни о материализме, ни об идеализме в энгельсовском смысле данных понятий², а пользуются «неправильной» с точки зрения ученого марксиста терминологией, которую автору «... эмпириокритицизма» приходится «переводить». В самой идее подобного перевода нет ничего предосудительного, плохо лишь то, что перевод у Ленина получается неадекватный. Во-первых, о мыслях Пуанкаре: высказывание о происхождении понятий пространства и времени, вообще говоря, не является идеалистическим — все зависит от того, что принимать за отправную точку наших рассуждений. Если выводить эти понятия из объективно существующей первопричины — пространства и времени как форм метафизической субстанции, т.е. идти «от объекта к субъекту», что предлагает нам, например, диалектический материализм, то тогда с ленинским комментарием можно было бы и согласиться. Но в данном случае уместным будет спросить: а что такое «формы субстанции»? чем они отличаются друг от друга и почему их именно две? что такое сама «субстанция»?

Оставить эти вопросы без ответа означает, строить философскую теорию на неопределенных понятиях, ленинскими словами, это будет «важничанье пуштышкой», поэтому отвечать придется: нужно будет начать разговор об эмпирическом опыте, о выведении из него понятий пространства и времени путем абстрагирования, и затем уже переходить к реальному пространству и реальному времени, — другими словами, к вопросу об онтологической причинности нужно еще придти, а изначально следует вести рассуждение из причины гносеологической, т.е. от субъекта к объекту. Верно, что человек в своем «наивном реализме» склоняется к метафизическому объяснению опыта, но правда также и то, что именно метафизика дополняет опыт, а не опыт — метафизику, о чем красноречиво свидетельствует история философии. Вот и получается, что по самому большому счету человек действительно «даст» природе понятия пространства и времени, и такое толкование Пуанкаре оказывается целиком в духе позитивизма — оно не приводит нас ни к материалистическим, ни к идеалистическим выводам. Другое высказывание «промежуточного», «критического» физика — «все, что не есть мысль, есть чистейшее ничто» — представляется скорее странным, чем идеалистическим: как это — и комплексы ощущений «есть чистейшее ничто»? Или это «есть мысль»? Впрочем, «Пуанкаре ... не интересуется сколько-нибудь существенно философской стороной вопроса», так что поскорее — во-вторых — переходим к «переводам» из Рея.

3.3. О том, что объективный идеализм имеет больше прав на «механическую» школу

Первый кусок реевской цитаты, нетрудно видеть, раскрывает философское содержание «традиционного механизма»: «реальное познание материального мира», «догма», говорит Рей, и с его вывода-

¹У Ленина имеются два различных определения этого понятия: «Фидеистами (от латинского слова *fides*, вера) называют во Франции тех, кто ставит веру над разумом» [с. 251]. В предисловии же к своей книге он дает гораздо более широкое определение: «Фидеизм есть учение, ставящее веру на место знания или вообще отводящее известное значение вере» [с. 17].

²«Философы разделились на два больших лагеря... Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые ... признавали сотворение мира, составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма. Ничего первоначально и не означают выражения: идеализм и материализм, и только в этом смысле они употребляются» [5, с. 17].

не поспоришь. Следует ли отсюда, что «он рисует нам материалистическую философию традиционной физики», как это «ясно» Ленину? Никким образом. Ведь признавать материю и быть материалистом — не одно и то же, и это не могло быть менее «ясно» для самого Ленина, раз он написал на 71: «абсолютный идеализм Гегеля мирится (!! А идеализм Беркли не смирился! — Р.Я.) с существованием земли, природы, физического мира без человека...». Но пусть мы даже не будем увлекаться выражениями в логике, говоря об учениях, исторически не связанных с «традиционным «физическим» механизмом» — таких, как гегельянство или платонизм. Возьмем то, что прежде всего ассоциируется с этим «механизмом» — деистическую философию Пьютона, согласно которой Бог сообщил материальному миру «первоначок», — и применим к ней классификацию Энгельса. Вывод, по-моему, самоочевиден: перед нами никакой не материализм, а его ярко выраженная идеалистическая противоположность. И пусть оппонент укажет нам на «материалистическую тенденцию» пьютоновской метафизики — тот неоспоримый факт, что идеальная субстанция, хотя и играет в этой философии роль «первичного», но, в противоположность упоминавшимся учениям Платона и Гегеля, не занимает в ней центрального места, — говорить о «материалистической философии традиционной физики» все равно не приходится.

А если еще к тому же учесть, что боговерующих физиков и в двадцатом-то веке было несть числа (взять хотя бы известных зарубежных ядерщиков), а уж в «докризисные» времена «традиционного механизма» их явно было впечатляющее большинство, то становится понятно, что, во-первых, Рей на самом деле «рисует нам» не «черта», т. е. материализм, а «объективно-идеалистическую философию традиционной физики», и, во-вторых, это уже относительно следующего цитируемого фрагмента, если бы Рей пользовался «единственно правильной» терминологией, то он должен был бы сказать, что «объективно-идеалистическая теория познания, стихийно принявшаяся прежней физикой, сменилась субъективно-идеалистической и агностической». Как этим «воспользовался фидеизм», и без того, заметим, успешно «пользовавшийся» объективным идеализмом прежней физики и от «кризиса» скорее проигравший, чем выигравший, — это уже другой вопрос. Не будем отвлекаться — завершается лингвистический сеанс «рееведения по-ленински» полным перекраиванием схемы Рея согласно марксистскому образцу: отбрасывая «критическую школу» как «неосновную», «промежуточную» (и воздерживаясь при этом от каких-либо комментариев), Ленин получает нужные ему две «основные линии», совершенно напрасно, как мы только что выяснили, увидев в противостоянии механистической и концептуалистской школ «замену материализма идеализмом и агностицизмом» [с. 253].

Эрнст Мах (1838–1916)

4. О ДВИЖЕНИИ БЕЗ МАТЕРИИ, МЫСЛИМОМ БЕЗ ИДЕАЛИЗМА

Далее, в параграфе третьем — «Мыслимо ли движение без материи?» — Ленин оставляет на некоторое время физику с ее проблемами и переходит к «чистой» философии, утверждая читателя в идеализме эмпириокритической школы новыми образцами своей специфической логики:

«Представим себе последовательного идеалиста, который стоит, положим, на той точке зрения, что весь мир есть мое ощущение или мое представление и т. д. (если взять «ничье» ощущение или представление, то от этого изменится только разновидность философского идеализма, но не изменится его сущность). Идеалист и не подумает отрицать того, что мир есть движение, именно: движение моих мыслей, представлений, ощущений. Вопрос о том, что движется, идеалист отвергает и сочтет бессмысленным: происходит смена моих ощущений, исчезают и появляются представления, и только. Вне меня ничего нет. «Движется» — и basta. Более «экономного» мышления нельзя себе представить. И никакими доказательствами, силлогизмами, определениями нельзя опровергнуть солициста, если он последовательно проводит свой взгляд...

Материя исчезла, — говорят нам, — желая делать отсюда гносеологические выводы. А мысль осталась? — спросим мы. Если нет, если с исчезновением материи исчезла и мысль, с исчезновением мозга и нервной системы исчезли и представления и ощущения, — тогда, значит, все исчезло, исчезло и ваше рассуждение как один из образчиков какой ни на есть «мысли» (или недомыслия)! Если же — да, если при исчезновении материи предполагается не исчезнувшая мысль (представление, ощущение и т. д.), то вы, значит, тайком перешли на точку зрения философского идеализма. Это именно и бывает всегда с людьми, из «экономных» желающих мыслить движение без материи, ибо молчаливо, просто тем самым, что они продолжают свое рассуждение, они признают существование мысли после исчезновения материи. А это значит, что очень простой или очень сложный философский идеализм берется за основу: очень простой, если дело сводится открыто к солицизму (я существую, весь мир есть только мое ощущение); очень сложный, если вместо мысли, представления, ощущения живого человека берется мертвая абстракция: ничья мысль, ничье представление, ничье ощущение.

мысль вообще (абсолютная идея, универсальная воля и т. п.), ощущение, как неопределенный «элемент», «психическое», подставляемое под всю физическую природу и т. д. и т. п. Между разновидностями философского идеализма возможны при этом тысяча оттенков, и всегда можно создать тысячу первый оттенок, и автору такой тысяча первой системки (напр., эмпириомонизма¹) различие ее от остальных может казаться важным.

¹Учение позитивиста А. А. Богданова (Малиновского) — Р.Я.

С точки зрения материализма эти различия совершенно несущественны. Существенен исходный пункт. Существенно то, что попытка мыслить движение без материи протаскивает мысль, оторванную от материи, а это и есть философский идеализм» [с. 261–263].

Представим себе какую-нибудь философскую «системку» (тысячную, тысяча первую или даже двухтысячную), построенную на ощущениях, певажно даже каких — «очень простых», «моих», как у солипсистов, или «очень сложных», «ничьих», как у эмпириокритиков, — и попытаемся ее классифицировать, т. е. выяснить координаты данного учения в стремительно разрастающейся необъятности многомерного информационно-философского пространства. Очевидно, что первым делом нужно ответить на простой, но очень существенный вопрос: весь ли мир есть это «мое» или «ничье» ощущение? Ответ на этот вопрос будет первым приближением к решению нашей задачи — нам удастся определить, к какому из трех основных философских направлений следует относить классифицируемое учение. Если ответ: «да», то перед нами действительно «разновидность философского идеализма» — субъективизм или же, в марксистской терминологии, субъективный идеализм. Если ответ: «нет» — то мы имеем дело с другим полюсом философской догматики — объективизмом, причем с точки зрения научной достоверности совершенно неважно, какой именно оттенок имеет эта двухтысячная «системка» — материалистический или же объективно-идеалистский — хотя ее автору данное различие действительно может казаться важным. Но если ответом будет однозначное: «не знаю», то тогда — добро пожаловать в агностицизм, господа исследователи!

Ленин не задается такими вопросами, вследствие чего очень неуклюже занутывает агностицизм с идеализмом. «Попытка мыслить движение без материи протаскивает ... идеализм». Иными словами, нам говорят, что «материя исчезла, — говорят нам, желая делать отсюда гносеологические выводы», желая делать отсюда выводы об идеализме. А как она исчезла? — спросим мы целиком в духе рассуждений о разного рода причинности, приведенных выше. Если она удалена из онтологии тысяча первой «системки», причем явным образом — в смысле отрицания ее существования, то в данном случае действительно допустимо вести речь об идеализме, объективном или субъективном. Но если материя удаляется лишь из гносеологии рассматриваемой философской концепции, т. е. как объект познания, а онтология учения ее явно или молчаливо допускает, то говорить об идеализме преждевременно. Последний случай, например, однозначно соответствует агностицизму «исчезновению» материи — в частности, по соображениям «экономии» эмпириокритического мышления.

5. ЛИКОВАНИЕ Г. КОГЕНА НЕ НА РАДОСТЬ МАРКСИСТАМ

Но вернемся непосредственно к физике. Убедившись, что ленинским заключениям об идеализме эмпириокритиков верить нельзя, постараемся разобраться в проблеме конструктивно: какие же тогда направления столкнулись в физике? Как их следует оценивать с философской точки зрения?

Из Рея, как мы выяснили выше, вовсе не следует, что кризис физики сводится к замене материализма идеализмом. Однако Ленин не ограничивается Реем и приводит в пользу своего видения проблемы мнения также и других исследователей. Пожалуй, наиболее сильным его доводом выглядит, на первый взгляд, «необыкновенно торжественное ликование» неокантианца Германа Когена, которым начинается параграф пятый той же главы («Два направления в современной физике и немецкий идеализм»): «Теоретический идеализм, — восклицал Г. Коген (S.XXVI), — стал колебать материализм естествоиспытателей и, может быть, скоро уже окончательно победит его». «Идеализм пропитывает новую физику». «Атомизм должен был уступить место динамизму». «Замечательный поворот состоит в том, что углублению в химические проблемы вещества суждено было привести к принципиальному преодолению материалистического взгляда на материю... теории электричества суждено было произвести величайший переворот в понимании материи и посредством превращения материи в силу привести к победе идеализма» (XXIX) [с. 277]. То, что Коген отдаст «новую» физику на откуп идеализму, игнорируя агностицизм эмпириокритиков, — это, конечно, грубое упрощение. Существенно, однако, другое — что приведенное «ликование», на наш взгляд, к тому же еще и преждевременное, для марксистской теории подспорье певажно, ибо из приведенных цитат ясно, что под «материализмом естествоиспытателей» Коген понимает отнюдь не материализм по Энгельсу, а «атомизм», «материалистический взгляд на материю», что, разумеется, в свете сказанного в разд. 3 об объективном идеализме, далеко не одно и то же.

6. СПОР А. РИККЕРА И ДЖ. УОРДА КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ «КРИЗИСА ФИЗИКИ» НЕ ПО ЭНГЕЛЬСУ

Впрочем, на Когене Ленин особо не задерживается — в его распоряжении есть гораздо более интересный материал, на наш взгляд, превосходно раскрывающий суть проблемы. Это спор президента секции английских физиков Артура Риккера и философа-спиритуалиста Джемса Уорда, датированный 1901 годом («4. Два направления в современной физике и английский спиритуализм»). Мнение Уорда является очень важным и для Ленина, который замечает в ходе цитирования: «Постановка вопроса откровенным и последовательным спиритуалистом замечательно верна и ясна» [с. 273]. Комментарии к Уорду, разумеется, у каждого свои — но раз к чьему-то мнению прислушиваются оба, мягко скажем, далеко не во всем согласных друг с другом исследователей, то, значит, перед нами — авторитетное мнение.

Учитывая особую актуальность этого спора вековой давности между английским физиком и английским «лириком» для нашего исследования, внимательно ознакомимся с позициями сторон и, предварительно извинившись перед читателем за обильное «цитирование цитируемого», начнем с Риккера.

6.1. Два направления в физике и английский «реалист»

«Спорный вопрос состоит в том, — сказал Риккер, — должны ли те гипотезы, которые лежат в основе наиболее распространенных научных теорий, быть рассматриваемы, как точные описания строения мира, окружающего нас, или только как удобные фикции... Риккер соглашается, что практически разницы между обими теориями может не оказаться: направление реки может, пожалуй, определить и тот, кто только рассматривает спиюю полосу на карте или диаграмме, как и тот, кто знает, что эта полоска изображает действительно реку. Теория, с точки зрения удобной фикции, будет «облегчением памяти», «внесением порядка» в наши наблюдения... Вполне признавая возможность крупных научных успехов на этом пути, Риккер «осмеливается утверждать, что такую систему тактики нельзя рассматривать как последнее слово науки в борьбе за истину». Вопрос остается в своей силе: «можем ли мы заключать от явлений, обнаруживаемых материей, к строению самой материи?» «имеем ли основания полагать, что очерк теории, который наука уже дала, является до некоторой степени копией, а не простой диаграммой истины?» [с. 269].

Рихард Авенариус
(1843–1896)

Для Риккера, как мы видим, нет вопроса в том, что «мир, окружающий нас» существует и что «материя обнаруживает явления». Раз нет вопроса, то, значит, скорее всего, нет и осознанной философской позиции, а только интуитивные «ньютоновско-механические» представления, традиционные для физики. И вот этот тишичный специалист из области естественных наук, не отработывающий, к счастью для нас, никаких философских теорий, рассуждает логически, с точки зрения обычного здравого смысла, и совершенно верно схватывает философскую суть проблемы, обнаруживая камень преткновения двух физических школ в вопросе о том, следует ли для объяснения физики привлекать метафизику или же достаточно ограничиться рамками опыта. Риккер понимает, что однозначное и в то же время убедительное разрешение данного вопроса найти не удастся, поэтому он и не выступает (в отличие от некоторых) против самой теории «удобной фикции», признавая возможность ее развития, а лишь отрицает за ней право быть «последним словом науки», монополию на научную или, в марксистской терминологии, «объективную» истину. Придерживаясь в душе противоположных взглядов и будучи уверен в существовании материи, Риккер вместе с тем сознает, что одной веры недостаточно для обоснования положительного решения «основного философского вопроса физики» и что, даже безоговорочно принимая метафизическую онтологию, нужно еще доказывать познаваемость внешнего мира. Поэтому он снова ставит этот «основной спорный вопрос», но уже в формулировке, отвечающей своему «наивному реализму» (как, впрочем, и объективизму вообще)¹, — «могут ли наши ощущения давать верное отражение внешнего мира»? Понятно, что и этот вопрос неразрешим логическими рассуждениями. Для Риккера здесь также имеется проблема, раз он признает выше, что «в основе наиболее распространенных научных теорий» лежат гипотезы, т. е. положения, истинность которых находится под вопросом. Но посмотрим, что он дальше думает по этому поводу.

«Разбирая вопрос о строении материи, Риккер берет для примера воздух, говорит о том, что воздух состоит из газов и что наука разлагает «всякий элементарный газ на смесь атомов и эфира». Вот здесь, — продолжает он, — нам кричат: «Стоп!». Молекул и атомов нельзя видеть; они могут быть пригодны, как «простые понятия», «но их нельзя рассматривать как реальности». Риккер устранил это возражение ссылкой на один из бесчисленной массы случаев в развитии науки: кольца Сатурна кажутся в телескоп сплошной массой. Математики доказали вычислением, что это невозможно, и спектральный анализ подтвердил заключения, сделанные на основании вычислений. Другое возражение: атомам и эфиру приписывают такие свойства, которых наши чувства не показывают нам в обыкновенной материи. Риккер устранил и его, ссылаясь на такие примеры, как диффузия газов и жидкостей и т. д. Ряд фактов, наблюдений и опытов доказывает, что материя состоит из отдельных частиц или зерен. Вопрос о том, отличаются ли эти частицы, атомы от «первоначальной среды», «основной среды», окружающей их (эфира), или они суть части этой среды, находящиеся в особом состоянии, остается пока открытым, не затрагивая самой теории существования атомов. Отрицать априори, против указаний опыта, существование «квазиматериальных субстанций», отличных от обыкновенной материи (атомов и эфира), нет оснований. Ошибки в частностях тут неизбежны, но вся совокупность научных данных не оставляет места для сомнения в существовании атомов и молекул» [с. 269–270].

Таким образом, вопрос об общей принципиальной познаваемости мира Риккер оставляет открытым и переходит к конкретному вопросу познания, касающемуся строения материи, — является ли «до некоторой степени копией» атомистическая теория, т. е. можем ли мы, исходя из своих наблюдений, достоверно утверждать делимость материи до молекул и атомов? На этот вопрос Риккер уже дает ответ и этот ответ положительный. Однако с точки зрения агностика, этот вывод трудно назвать достоверным. Мало того,

Таким образом, вопрос об общей принципиальной познаваемости мира Риккер оставляет открытым и переходит к конкретному вопросу познания, касающемуся строения материи, — является ли «до некоторой степени копией» атомистическая теория, т. е. можем ли мы, исходя из своих наблюдений, достоверно утверждать делимость материи до молекул и атомов? На этот вопрос Риккер уже дает ответ и этот ответ положительный. Однако с точки зрения агностика, этот вывод трудно назвать достоверным. Мало того,

¹ Вопрос, который в субъективном субстанциализме называется «вторым гносеологическим вопросом» — Р. Я.

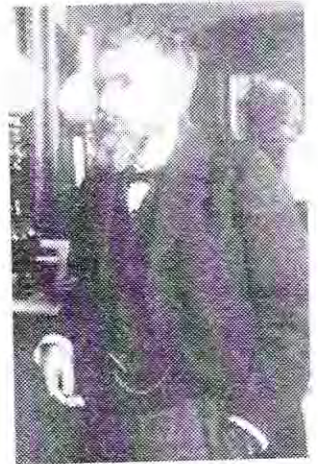
что «наивный реалист» уже априори верит в объективное существование материи: он, также априори, бездоказательно, поверил в объективную ее делимость до «макрочастиц», т. е. в то, что каждый отдельный «комплекс ощущений» вызывается соответствующей реальной вещью, — иначе не было бы никаких параллелей с «кольцами Сатурна». Задавшись такими аксиомами, и в самом деле очень естественно представить себе материю дробимой до бесконечности, справедливо считая каждую микрочастицу реальностью столь же объективной, что и любая из «макрочастиц». Не беда, что атомы нельзя видеть, просто нет еще микроскопа столь же мощного, как телескоп, в который можно разглядывать пресловутые «кольца Сатурна» и своими глазами убеждаться, что, действительно, «целое состоит из частей», — зато есть столь же «мощная» математика. В конце концов, такой микроскоп — лишь дело времени. Поэтому «ряд фактов, наблюдений и опытов доказывает», а «совокупность научных данных не оставляет места для сомнения» в существовании «частиц или зерен», даже если иногда кажется, что это только гипотеза, которая «лежит в основе» одной из «наиболее распространенных научных теорий».

Такого рода конструктивные выводы из частной науки в область философии — что физика-де «доказывает», а научные данные «показывают» — способны убедить разве только человека «реалистичного до наивности», либо же просто пристрастного в пользу той или иной догматической теории и изначально обречены перед судом непредвзятой научной логики — нужно только не полениться сходить за примером контрпримера. Например, за таким — кто-то, вроде бы, сказал, что материя делима? Совершеннейшая неправда, потому что в самой наиреальной действительности она является сплошной и производит такой же сплошной опыт, в котором мы, в силу своей природы, поскольку не можем «объять необъятное», выделяем отдельные «комплексы ощущений», концентрируя на них свое внимание. Делима, таким образом, не материя — делимы наши восприятия, процесс дробления которых продолжать можно до бесконечности, переходя от реальных ощущений к гипотетическим, когда ни телескоп, ни микроскоп больше не действуют, а действует вера в правильность математических расчетов, «подсказывающих» возможную наблюдаемость электрона, атома и др. Сообразно с этим, неисчерпаем не электрон как реально существующая «вещь»: неисчерпаема разрешающая способность нашего воображения, сдерживаемая лишь замешанным на вере чувством логической целесообразности.

Но прочь личину «контр-догматика», в которую вынужден иногда рядиться рассуждающий агностик, урезонивая увлекшихся философских проповедников: подведем первые итоги. **Конструктивные выводы Риккера в пользу метафизического реализма, как мы видели, не имеют никакой научной силы. Однако в своей деструктивной части, направленной против догматического утверждения «теории удобных фикций», рассуждения физика в высшей степени логичны и обоснованы.** Пусть атомов и эфира никто не видел, но опыт, накопленный физикой, не противоречит их объективному существованию. Математические выкладки также не противоречат их объективному существованию. Никаких оснований отрицать ни эфир, ни атомы в смысле физических реалий как возможные гипотезы, «лежащие в основе» и т. д. Жаль только, что Риккер увлекается, и последняя фраза цитаты сразу же уничтожает самое ценное рациональное зерно в его рассуждениях.

В своих заключительных выводах Риккер отмечает еще один аргумент сторонников «антиметафизической школы», выводящих из относительности знания отсутствие объективной истины и, следовательно, отсутствие объективной реальности, «слепком» с которой эта истина является: «Те, кто принижает значение идей, руководивших до сих пор прогрессом научной теории, слишком часто принимают, что нет иного выбора, кроме двух противоположных утверждений: или что атом и эфир суть простые фикции научного воображения, или что механическая теория атомов и эфира — теперь она не завершена, но если бы она могла быть завершена, — даст нам полное и идеально точное представление о реальностях. По-моему, есть средний путь» [с. 270]. Справедливость такого вывода Риккера нельзя не признать: неполнота и неточность знания, конечно же, не аргумент для отказа от механической теории. Риккер интуитивно чувствует принципиальную возможность решения проблемы релятивизма в рамках метафизики. Однако и здесь не следует увлекаться, считая наличие такой возможности контр-аргументом против «теории удобных фикций». Ленин же с Риккером в своем порыве неудержимы.

Первый, уловив всего лишь намек на знакомую «диалектику», с энтузиазмом откликается: «Человек в темной комнате может крайне неясно различать предметы, но если он не наткнется на мебель и не идет в зеркало, как в дверь, то, значит, он видит кое-что правильно. Нам не нужно поэтому ни отказываться от претензий проникнуть глубже, чем поверхность природы, ни претендовать на то, что мы уже сорвали все покровы тайны с окружающего нас мира». Для «наивного материалиста» при этом нет сомнений ни в объективности истины, ни в реальности окружающего мира: он не допускает и мысли, что упомянутые зеркала с мебелью, быть может, всего лишь «удобные фикции», т. е. по существу «комплексы ощущений». Второй, заканчивая свою речь, сознается: «... я пытался показать, что, несмотря на приблизительный характер некоторых наших теорий, несмотря на многие частные затруднения, теория атомов ... в главных основах верна; что атомы — не только вспомогательные понятия для математиков, а физические реаль-

Жюль Анри Пуанкаре
(1854–1912)

ности» [с. 271]. Как мы уже видели, нужно быть «наивным реалистом», чтобы верить в успех подобных попыток.

Выступление Риккера, главным достоинством которого, как нам кажется, является постановка проблемы и критика претензий «теории удобных фикций» на ее окончательное разрешение, Ленин подытоживает следующим образом: «Читатель видит, что гносеологией автор не занимался, но по существу дела от имени, несомненно, массы естествоиспытателей он отстаивал стихийно-материалистическую точку зрения. Суть его позиции: теория физики есть снимок (все более и более точный) с объективной реальности... Недостаёт этому физике только диалектического материализма...» Отстаивал, по ис отстоял, добавим мы, потому что делал это не беспристрастно, а все также «стихийно-материалистически», пусть даже «от имени и по поручению» «массы естествоиспытателей». Несомненно, что «диамат» помог бы ему еще больше укрепить свою веру в торжество метафизики.

6.2. Два направления в физике и английский спиритуалист: общий взгляд на проблему

«Посмотрим теперь, как критиковал эту философию спиритуалист Джеймс Уорд. «...Натурализм не наука, — писал он, — и механическая теория природы, служащая основанием ему, тоже не наука... Но хотя натурализм и естествознание, механическая теория мира и механика как наука, логически разные вещи, но на первый взгляд они очень похожи друг на друга и исторически тесно связаны. Нет опасности, что смешают естествознание и философию идеалистического или спиритуалистического направления, ибо такая философия необходимо включает критику гносеологических предпосылок, которые наука делает бессознательно...» [с. 271].

Уорд сразу же решительно отделяет результаты естественных наук, в практической ценности которых никто не сомневается, от их философской интерпретации, допускающей разночтения и являющейся предметом возникшей дискуссии. Прежде чем, вслед за Риккером, ставить и обсуждать вопрос о выборе для физики подходящего философского базиса, Уорд указывает на то, что большинство физиков не видит здесь какой-то проблемы, интуитивно делая выбор в пользу так называемого «натурализма», т. е. некоторых «гносеологических предпосылок», которые физики принимают на веру как что-то «естественное» и не отличают от «своей» науки. Это преимущество, которым «натурализм», с точки зрения философии, совершенно незаслуженно пользуется в научной практике, становится еще одной проблемой, тесно связанной с первой, проблемой социально-«околофилософского» характера, и подтверждение этому можно найти также в выступлении Риккера: мы видели, как он неявно уже предполагает то, что потом стремится доказать. Однако то, что для философа Уорда, равно как и для любого другого мало-мальски «смотрящего в корень» исследователя философии, представляет собой проблему, для «убежденного марксиста» Ленина неопровержимо свидетельствует в пользу торжества «физического» материализма над «физическим» идеализмом, раз он сразу же восклицает: «Правда! Естествознание бессознательно принимает, что его учение отражает объективную реальность, и только такая философия примирима с естествознанием!» С естествознанием, заметим еще раз, самым «естественным» образом примиримо все то, что не противоречит его результатам: любая метафизика примирима с естествознанием, в том числе и объективно-идеалистическая реальность примирима с естествознанием, и отрицание, и игнорирование объективной реальности также с ним примиримы. Ни одна частная наука не выдержит бремени разрешения споров чисто философских и никакие ссылки на «естествознание», «физику» и т. п. не спасут нас с вами от существа вопроса. Какие же «гносеологические предпосылки» Уорд называет «натурализмом»? Вновь запускаем конвейер авторского повествования.

«...Иначе обстоит дело с натурализмом, который так же невинен по части теории познания, как и сама наука. В самом деле, натурализм, подобно материализму, есть просто физика, трактуемая как метафизика... Натурализм менее догматичен, чем материализм, несомненно, ибо он делает агностические оговорки относительно природы последней реальности; но он настаивает решительно на первенстве материальной стороны этого «Непознаваемого»...» [с. 271–272].

Ленинский пассаж по поводу сказанного выглядит довольно бледно: «Материалист трактует физику как метафизику. Знакомый довод! Метафизикой называется признание объективной реальности вне человека: спиритуалисты сходятся с кантианцами (неокантианцами? — Р. Я.) и юмистами в таких попреках материализму. Оно и понятно: не устранив объективной реальности всем и каждому известных вещей, тел, предметов, нельзя расчистить дороги для «реальных понятий» в духе Ремкел...» [там же]. И это все?? Пегусто. Из уордовского отрывка извлечь можно гораздо больше, чем старая материалистическая песня «о главном». Сказанного Уордом достаточно, чтобы навсегда распрощаться с примитивно-одноклеточной идеей рассматривать физику как арену борьбы белого с черным, чистого с нечистым, одним словом, — материализма с идеализмом, — пусть даже эта идея и вдохновляет отдельных пылких душой философских романтиков. Во-первых, не подлежит сомнению, что «натурализм» у Уорда — это и есть тот самый «наивный исследовательский реализм», к которому Ленин неустанно апеллирует, «расчищая дорогу» для «понятий» в духе Маркса и Энгельса, и своей репликой «Правда!... и т. д.» он фактически соглашается с этим выводом. Во-вторых, Уорд совершенно точно определяет философскую позицию, стихийно выражаемую в «натурализме»: «физика, трактуемая как метафизика». В-третьих, Уорд, хотя и говорит об имеющемся сходстве «натурализма» с материализмом, тем не менее четко разводит оба этих понятия, указывая на то, что позиция первого допускает как материалистическое, так и идеалистическое толкование: именно так следует понимать фразу «...он делает агностические оговорки относительно

природы последней реальности...» — это означает: «не знаю, какова природа последней реальности», это означает, что в формулу «натурализма» превосходно укладывается, например, все тот же ньютоновский деизм. В-четвертых (хотя и «в-третьих», в принципе, уже достаточно), на первый взгляд может показаться, что последнее замечание Уорда — про «первенство материальной стороны» — созвучно марксистским идеям о «первичном-вторичном». Однако ранее мы выяснили, что проблему «первичного-вторичного» трактовать можно двояко — в «онтологическом» и «гносеологическом» смысле: онтологически «первенство материальной стороны» действительно означало бы принадлежность к материализму, тогда как в гносеологии это указывает только на направление, в котором движется познавательный процесс. То, что Уорд, говоря о «первенстве» в «натурализме» «материальной стороны», имеет в виду прежде всего гносеологический аспект проблемы, становится напрямую ясно из его следующих слов:

«...Когда возникает вопрос, по существу своему философский, как лучше систематизировать опыт в целом..., то натуралист утверждает, что мы должны начать с физической стороны. Только эти факты точны, определены и строго связаны; всякую мысль, волновавшую сердце человека..., можно, говорят нам, свести к совершенно точному перераспределению материи и движения... Что утверждения такого философского значения и такой ширины суть законные выводы из физической науки (т. е. естествознания), этого не решаются утверждать прямо современные физики. Но многие из них считают подрывающими значение науки тех, кто стремится вскрыть тайную метафизику, разоблачить физический реализм, на котором покоится механическая теория мира... На самом же деле, моя критика («этой «метафизики», венавистной и всем махистам» — поясняет Ленин) «основывается всецело на выводах школы физиков, если можно так назвать ее, все растущей в числе и расширяющей свое влияние, школы, которая отвергает этот почти средневековый реализм...»

Сосредоточимся — Уорд непосредственно переходит к «кризису физики»:

«Чтобы отделить их (физиков — Р. Я.) от старой школы, которую мы вправе называть физическими реалистами (заметьте, как аккуратен Уорд в выборе выражений — он не сказал: «физическими материалистами», как хотелось бы любителям «правильной» терминологии; в субъективном субстанциализме этих «старых» физиков можно было бы назвать «физическими объективистами»), мы можем назвать новую школу физическими символистами. Термин этот не совсем удачен, но он, по крайней мере, подчеркивает одно существенное различие между обеими школами, интересующее нас специально в данное время. (! — Р. Я.). Спорный вопрос очень прост. Обе школы исходят, само собою разумеется, из того же чувственного опыта; обе употребляют абстрактные системы понятий, различающиеся в частности, но одинаковые по существу; обе прибегают к тем же приемам проверки теорий. Но одна полагает, что она приближается все больше и больше к последней реальности и оставляет позади все больше кажимостей (это положение гносеологии, принимаемое, в частности, марксистской школой, далеко не бесспорно, даже если не подвергать сомнению существование «последней реальности»; об этом, однако, позже — Р. Я.). Другая полагает, что она подставляет обобщенные описательные схемы, пригодные для интеллектуальных операций, под сложные конкретные факты. Ни с той, ни с другой стороны не затрагивается ценность физики как систематического знания о вещах; возможность дальнейшего развития физики и ее прикладных применений одинакова и в том, и в другом случае. Но философская разница между обеими школами громадна, и в этом отношении вопрос о том, которая из них права, приобретает важность...».

И вот здесь Ленин вставляет ту самую фразу —

«Постановка вопроса откровенным и последовательным спиритуалистом замечательно верна и ясна», — продолжая далее: «Действительно, различие обеих школ в современной физике только философское, только гносеологическое. Действительно, основная разница состоит только в том, что одна признает «последнюю» (надо было сказать: объективную) реальность, отражаемую нашей теорией, а другая это отрицает, считая теорию только систематизацией опыта, системой эмпиросимволов и т. д. и т. п...» [с. 273].

Несамостоятельно для себя Ленин открывает еще один «кусочек правды», о который спотыкается отстаиваемая им «черно-белая» теория борьбы материалистических и идеалистических антагонизмов. Ведь только что, вслед за Уордом, он признал по существу следующее. Две основные «физические» школы расходятся прежде всего в гносеологии: следует ли для объяснения физики привлекать метафизику? Традиционная, «старая» школа — «за метафизику», другая же школа, «новая» — «против метафизики». Для обозначения этих школ можно применять какие угодно этикетки (к примеру, «физический реализм», «натурализм» — для первой из них, «физический символизм», «удобофикционизм» — для второй), да только суть от этого не изменится: первая школа сама по себе не станет материалистической, а вторая — идеалистической школой. Правда, что онтология материализма базируется на «совершенно дикой», догматической метафизике, но совершенно то же самое (разница только в деталях — словами Энгельса, «где голова, а где ноги»¹), как мы уже упоминали ранее, можно сказать и об объективном идеализме. Представляете, что получается? «Современная физика лежит в родах. Она рождает... систему Гегеля». Понятно, что Ленину и его теории не нужны такие союзники, а потому объективный идеализм оказывается почти целиком «за кадром» его книги — или же он искренне не отдает себе отчет в том, что материалистам можно «подбрасывать» объективный идеализм точно с той же степенью правдоподобия, с какой он сам «подсовывает» агностикам идеализм субъективный?

¹ «В гегелевской системе дело дошло, наконец, до того, что она и по методу, и по содержанию представляет собой лишь идеалистически на голову поставленный материализм» [5, с. 19].

6.3. Философский смысл борьбы «реализма» и «символизма» в физике. Мнение Э. Гартмана

Теперь поговорим о философии «новой» школы. Верно, что гносеология по типу теории «удобных фикций» оправдана, в первую очередь, с позиций субъективного идеализма, точнее, той его разновидности, которая догматически отрицает существование внешнего мира за пределами ощущений и которую можно называть субъективизмом. Само слово «фикция» уже говорит об отрицании объективной основы теоретического знания. Однако было бы неправильно считать такую гносеологию монополией субъективизма: с равным успехом, сделав необходимые оговорки о возможности онтологии объективной реальности, теорией «удобных фикций» может пользоваться агностицизм, что мы и видим на примере эмпириокритиков. С точки зрения соответствия духу агностицизма при этом следовало бы говорить, конечно, не о «фикциях», а о «гипотезах», и размышления на эту тему привели нас к той разновидности агностицизма, которая получила название субъективного субстанциализма. Любопытно, что «другой немецкий идеалист, гораздо более реакционного (контрреволюционного? — Р. Я.) оттенка», Э. Гартман, во-первых, также, как и Рей, выделяет в современной ему физике не две, а три школы, во-вторых, различает «физический» идеализм от «физического» агностицизма, помещая последний в отдельную школу, и, в-третьих, как и Рей, и Уорд, не отождествляет «физический реализм» с материализмом. Терминология у него, естественно, тоже «неправильная»:

«Современная физика выросла на реалистической почве, — говорит Э. Гартман, — и лишь новокантианское и агностическое течение нашей эпохи привели к тому, что конечные результаты физики стали истолковываться в идеалистическом смысле». Три гносеологические системы, по мнению Э. Гартмана, лежат в основе новейшей физики: гилокинетика (от греческих слов *hyle* = материя и *kinesis* = движение, т. е. признание физических явлений движением материи), энергетика и динамизм (т. е. признание силы без вещества). Понятно, что идеалист Гартман отстает «динамизм», выводит из этого, что законы природы суть мировая мысль, одним словом, «подставляет» психическое под физическую природу. Но он вынужден признать, что гилокинетика имеет на своей стороне больше всего физиков, что эта система «наиболее часто употребляется», что серьезным недостатком ее являются «угрожающие чистой гилокинетике материализм и атеизм». Энергетику автор рассматривает совершенно справедливо, как промежуточную систему, и называет ее агностицизмом. Конечно, она есть «союзник чистого динамизма, ибо устраняет вещество», но ее агностицизм не нравится Гартману, как некоторая «англомания», противоречащая настоящему идеализму истинно немецкого черносотенца (вот он, принцип партийности — истинная наука г-на Ульянова! — Р. Я.)» [с. 279–280].

Александр Александрович
Богданов (1873–1928)

Итак, две «физические» школы враждуют: в одной из них сошлись и союзничают материализм с объективным идеализмом, в другой — субъективный идеализм с агностицизмом. Можно сказать, что только по форме здесь обнаруживается сходство с марксистской философской схемой — друг другу противопоставят два направления — содержание же этих направлений несколько иное, чем утверждают марксисты, а именно: не «материалистско-идеалистическое», а «реалистско-символическое», словами Уорда. Но, может быть, марксисты ничего подобного не утверждают, может быть, я все это сам придумал и подгоняю мнение оппонентов по желаемому образцу? Кто не верит мне — пусть поверит самому Ленину, раскрыв его красную (в прямом смысле) книгу на указанных ниже страницах:

«Рей подошел к вопросу совсем не с той стороны, как Уорд, Коген и К°, по результаты у него получились те же, — признание материалистической и идеалистической тенденции как основы разделения двух главных школ в современной физике» [с. 293];

«материалистический основной дух физики» [с. 299];

«на стороне материализма неизменно стоит подавляющее большинство естествоиспытателей как вообще, так и в данной специальной отрасли, именно: в физике. Меньшинство новых физиков, под влиянием ломки старых теорий великими открытиями последних лет, под влиянием кризиса новой физики, особенно наглядно показавшего относительность наших знаний, скатились, в силу незнания диалектики (или в силу желания очистить науку от метафизической «системы» — Р. Я.), через релятивизм к идеализму. Модный физический идеализм наших дней — такое же реакционное и такое же кратковременное увлечение, как модный физиологический идеализм недавнего прошлого» [с. 347–348];

«Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями ... являются материализм и идеализм» [с. 348].

Последние две цитаты взяты из основных выводов в заключительной части книги. Добавить здесь, действительно, нечего — позиция автора «Эмпириокритицизма» выражена предельно недвусмысленно.

6.4. Два направления в физике и английский спиритуалист: критика «механизма»

Возвращаемся к Уорду: мы видели, как «замечательно верно и ясно» — можно, в принципе, и без кавычек — сумел поставить он философскую проблему (хотя Ленину вроде бы и не следовало проявлять много энтузиазма по этому поводу). Посмотрим теперь, что же Уорд предлагает для ее разрешения.

В аргументации Уорда просматриваются те же две составляющие, что и у Риккера, — деструктивная которая занимается критикой философии оппонентов (в данном случае, «механизма»), и конструктивная, собирающая доводы в поддержку собственной философии (т. е. «символизма»). Прежде чем строить как известно, необходимо сначала расчистить место, и Уорд первым делом излагает соображения именно деструктивного характера, которые выливаются в целую диверсию, направленную на подрыв объективистской догматики:

«Риккер посвятил свой президентский адрес защите физического реализма против символической интерпретации, защищавшейся в последнее время профессорами Пуанкаре, Пойнтингом и мной... Риккер постоянно говорит о «мысленных образах» и в то же время постоянно заявляет, что атом и эфир суть нечто большее, чем мысленные образы. Такой прием на деле сводится к следующему: в таком-то случае я не могу составить иного образа, и поэтому реальность должна быть похожа на него... Профессор Риккер признает абстрактную возможность иного мысленного образа... Он допускает даже «приблизительный» характер некоторых наших теорий и многие «частные трудности». В конце концов он защищает только рабочую гипотезу, и притом такую, которая в значительной степени потеряла свой престиж за последнюю половину столетия. Но если атомистическая и другие теории строения материи суть только рабочие гипотезы и притом гипотезы, строго ограниченные физическими явлениями, то нельзя ничем оправдать теорию, утверждающую, что механизм есть основа всего...» [с. 273–274].

Ленин чувствует силу противника, добавляя сюда свой комментарий:

«... поистине фокуснически, много лучше наших махистов (т. е. путаных идеалистов) — прямой и открытый идеалист Уорд ловит слабые места «стихийного» естественно-исторического материализма, например, неумение разъяснить соотношение относительной и абсолютной истины. Уорд кувыркается и объявляет, что раз истина относительна, приближительна, только «нащупывает» суть дела, — значит, она не может отражать реальности! Чрезвычайно верно зато поставлен спиритуалистом вопрос об атомах и пр., как «рабочей гипотезе». Большого, чем объявления понятий естествознания «рабочими гипотезами», современный, культурный фидеизм (Уорд прямо выводит его из своего спиритуализма) не думает и требовать. Мы вам отладим науку, гг. естествоиспытатели, отложите нам гносеологию, философию, — таково условие сожительства теологов и профессоров в «передовых» капиталистических странах» [с. 274–275].

Очевидно, что «физика, трактуемая как метафизика», не выдерживает убойной силы выводов Уорда: ведь если атомы и эфир — всего лишь гипотезы (с чем, кстати, в целом согласен и Риккер, указывает Уорд), то тем самым ставится под сомнение весь атомистический «механизм», так как всегда существует некоторая, отличная от нуля, вероятность, с которой любая гипотеза может оказаться и ложной. Осталось убедиться, действительно ли «атомы и эфир» представляют собой «рабочие гипотезы», а не «объективную истину», как это, вероятно, должно казаться вслед за Лениным каждому последовательному марксисту.

Собственно, решающими здесь являются соображения, уже изложенные нами при разборе выступления Риккера: **делимость человеческих ощущений еще не означает делимости материи**, которая может производить все ощущения, оставаясь при этом «в себе» сплошной. При всей кажущейся надуманности данного контрпримера и его явном противоречии с тем, что Юм называет «человеческой природой»¹, это также вполне возможный вариант, который нельзя сбрасывать со счетов, тем более, что такой «антиатомистический» взгляд уже зафиксирован в истории философии, например, в онтологии Парменида. Сам же факт наличия у большинства физиков иррациональной веры в то, что материя существует и является делимой, перед лицом науки значит не больше, чем приверженность людей религиозных вере в бога и разнообразные чудеса.

Но попытаемся еще развернуть дополнительную аргументацию, затронутую в выступлении Уорда и контр-реплике Ленина, — переберем, раскроем и оценим их доводы «за» и «против». Итак, атомы и эфир в начале века еще никто не видел и поэтому о «комплексах ощущений» атомов и эфира можно было говорить, только добавив еще одни кавычки — т. е. как о потенциально возможных, гипотетических «комплексах ощущений», как о неких «мысленных образах», которые можно при желании онтологизировать, т. е. отнести к соответствующей отражаемой объективной реальности. Чем такие образы отличаются от образов леших и домовых, которых тоже никто не видел или, по крайней мере, никто не видел из так называемых «людей науки»? Принципиально — ничем не отличаются, ибо принадлежность как тех, так и других эмпирическому опыту человека составляет, в конечном итоге, предмет веры, не имеющей под собой достаточных оснований. Согласен, что в случае атомов и эфира таких оснований больше — есть лучшая согласованность с реальными эмпирическими фактами, с общепринятыми теоретическими построениями, лучшая прогнозируемость появления тех или иных взаимосвязанных событий — но все-таки это только лишь количественная разница: лешие и домовые также не противоречат опыту и теориям (взять, хотя бы, «полтергейст»), а худшая прогнозируемость в данном случае может объясняться тем, что лешим и домовым, в отличие от эфира и атомов, приписывается некоторая одушевленность. **Никаких объективных критериев, способных однозначно развести «научное» и «ненаучное», еще никем не предъявлено:** с одной стороны, любое теоретическое обобщение содержит в себе элемент ненаучного, потому что основывается на индукции, которая не может перебрать всех возможных частных случаев, а с другой — любая религиозная догма может вдруг найти свое подтверждение. Пресловутая практика здесь также ничего не доказывает. Во-первых, потому, что каждый извлекает свои уроки из практики: даже

¹ См. [6, с. 55].

и тот же опыт может укладываться в различные научные теории, и если в области физики, других естественных и технических науках исследователи еще находят общий язык (хотя и здесь они иногда делятся по враждующим друг с другом школам и направлениям), то уж в области наук социальных, гуманитарных политикой до самого основания¹, научная грызня уже по определению является нормой жизни. Что здесь утверждает практика — марксистско-ленинское учение или социальный дарвинизм — не проверь. Во-вторых, даже если ученые и приходят к общему мнению, то это тоже отнюдь не мерило истинности научного знания: вспомним Галилея и Коперника, Гаусса и Лобачевского — вот бы кто мог задуматься размышлениями о том, как мнение ученого большинства способно действовать во вред науке. Нет, наука — не парламент...

Однако, ближе к атомам и эфиру. Итак, есть некий «мысленный образ» того и другого. Где гарантии, спрашивает Уорд, что та объективная реальность, которой этот образ якобы соответствует, в действительности на него похожа, т. е. что мы верно отражаем метафизическую субстанцию? Нет таких гарантий. Ни «атом в себе», ни «эфир в себе», т. е. за пределами наших ощущений и нашего мышления, нам недоступны. Есть ли там тождество с какими образами и есть ли там что-нибудь вообще — убедительно и достоверно никто не скажет. Здравый смысл, тем не менее, подбрасывает каверзный вопросик — с чего бы это объективная реальность, которая от нас, вообще говоря, зависит очень мало, должна быть похожа на то, что мы сами себе вообразили? И если определенная часть человечества, по-видимому, и без удовольствия причисляющая себя к интеллектуальной элите общества, проповедует научный пессимизм в отношении лесных и домовых, то с чего бы тем же интеллектуалам исповедовать научный оптимизм относительно эфира и атомов?

Еще меньше исследовательского оптимизма внушает тот факт, что с атомами и эфиром связывается, вообще говоря, не один, а множество мысленных образов, к которым наука приходит через различные измерения и расчеты — массы атома, например, расстояния между атомами в эфире, еще пример, и прочих характеристик. Если в соответствии с «механическими установками» онтологизировать все эти образы, то получается, что каждый из них «сам по себе» еще менее похож на «атомы и эфир в себе», чем это может оказаться носителю только лишь одного «мысленного образа». А если к тому же учесть, что прогресс науки способен подбросить нам еще очень большое, уходящее в бесконечность число «иных» мысленных образов — познавательная способность человека неисчерпаема — то вероятность, что наши знания, которыми мы уже обладаем, дают нам истинное представление о внешней действительности (даже если последняя вообще существует) становится меньше сколь угодно малой величины и практически обращается в нуль.

Павел Соломонович Юшкевич (1873–1945)

6.5. Критика гносеологической системы марксизма

Знаю, знаю, что на это скажут марксисты — они опять станут прописывать свою универсальную структуру, свою панацеевую смесь из относительной и абсолютной истин, с которой должно-де прославиться всех естествоведов-физиков, «спотыкающихся» в идеализм под тяжестью возникших философских проблем. Что ж, поставим теперь вопрос конкретно: а так ли это? Лечит ли марксистское снадобье от идеалистических сомнений, т. е. от так называемой «гипотезности» атомов, эфира или, вообще, чего бы то ни было? Не должен ли здоровый исследовательский организм, укрепивший свои натуралистические рефлекссы глотком осознанной диалектики познания по вышеуказанной рецептуре, воспринимать истицы как некую «объективную реальность», данную нам в виде непреложной «объективной истицы»?

Попробуем встать на точку зрения «рядового», т. е. немудрствующего философски специалиста-физика, за пределами «своей» науки склонного мыслить «до наивности реалистично». Сперва «объективная реальность» для нас — это атом единый и неделимый, обладающий массой. Затем реальностью не менее объективной становится атом как совокупность частиц, способных к тому же еще и терять свою массу. Что же это тогда, на наш «наивный» взгляд, происходит? Правильно — атом крошится, крошки «исчезают» до пустоты, «материя исчезает». Если б не этот парадокс, а лучше сказать — прямо-таки шок для подавляющего большинства «диалектически необразованных» исследователей, то не было бы в истории проблемы под названием «кризис физики».

Первыми на выручку сбитым с толку физикам пришли субъективного типа идеалисты со своим протым и радикальным решением — перестать рассматривать эфир и атомы как объективные реальности: нет реальности — нет и проблемы разных шокирующих «исчезновений». Перестала соответствовать опыту одна «удобная фикция» — вон ее, на ее место поставим другую. Совет, конечно, хороший, да вот только неудобно ведь без материи: что же мы тогда изучаем? Самих себя, свои ощущения? Легко сказать — бросить трансцендировать, если только этим и занимались в классической физике.

¹ Тем не менее и здесь, по нашему мнению, нужно стремиться к идеалу «беспартийности», т. е. непредвзятости (а в ленинской терминологии — к «безнадежной тупости») — Р. Я.

Теперь марксистское средство — материю не трогать, а произвести маленький диалектически «фокус-покус»: была старая объективная реальность — нет старой объективной реальности, и никогда не было. Была старая объективная истина — нет теперь и ее, и также не было никогда, а было лишь временное заблуждение в процессе познания. Новая реальность, новая истина — это и есть подлинны объективности, другими словами: «истина умерла — да здравствует истина!». Вот как это выглядит. Ленина:

«Материя исчезает» — это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т.п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные присущие только некоторым состояниям материи. Ибо единственное «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания» [с. 255].

Ленин, очевидно, пытается «сгладить углы», подчеркивая эволюционность, пресмысленность знания, его «углубление» и «накопление», медленное, но верное приближение к абсолютной истине, тождественно отображающей объективную реальность. Тем самым он создает эффект **обязательного присутствия «объективного зерна» среди возможных «плевел субъективности»** в любом нашем знании, что требуется ему для доказательства жизнеспособности материалистической диалектики. Однако мы не обязаны принимать подобные фокусы за чистую монету и попробуем сами разобраться в проблеме.

Внешнюю привлекательность марксистской гносеологии дает соединение в одной концепции двух теоретических блоков — собственно «диалектики познания», восходящей к Гегелю, и ее материалистического наполнения традиционной метафизикой. «Диалектика» представляет собой общую схему познавательного прогресса, которая действительно выглядит довольно правдоподобной, когда мы размышляем об «успехах наук» и прежде всего о техническом прогрессе. Схема эта допускает различные философские толкования. Ну какой, к примеру, позитивист станет оспаривать утверждения о том, что практическая значимость наук несомненна, что человек в течение жизни, а, значит, и человечество в целом накапливает все больше и больше научного опыта, что общая сумма человеческих знаний стремится к недостижимому пределу (хотя можно оспорить существование точного значения этого предела в виде некоей «абсолютной истины»)? **Материалистическая трактовка познавательной схемы сильна тем, что возвращает физику в ее философском невежестве «на круги своя», потакая наивному исследовательскому реализму:** куда как проще и легче считать, что мы складываем в своем «банке идей» истинные знания о внешнем мире, а не какие-то неудобоваримые «удобные фикции».

Однако, сколько ни маскируй догматический материализм диалектикой познания, его злейший враг-могильщик — **Недостоверность** — безжалостно сорвет и этот фиговый листок. Если истина все время «откладывается на потом», то что же тогда сейчас? Что в нашем опыте с уверенностью можно отнести к «зерну объективности»? То, что «доказывает» практика? Однако завтра та же практика может столь же успешно опровергать «доказанное сегодня», как в случае с «неделимым атомом». Еще более показательный пример, известный из советских учебников как иллюстрация на тему «Диалектика познания: овладение истиной на более высоком уровне», но на поверку представляющий собой явный камуфляж противоречивости материалистической диалектики — это развитие взглядов на природу света. Сначала, как известно, физики придерживались корпускулярной теории (свет — это поток частиц), затем под влиянием новых фактов перешли к волновой (свет — это распространяющаяся волна) и в конечном итоге вернулись к прежнему взгляду, действительно, на более глубоком (или, если угодно, высоком) уровне понимания. Совершенно естественная для науки ситуация — кто же в этом сомневается? Спорно другое: достоверность и практическая значимость философских обобщений этой ситуации в марксизме. **Ведь если практика способна последовательно «доказывать» истины прямо противоположные друг другу, как в приведенном примере, то это означает, что ни сами «доказываемые» истины, ни практика как критерий истинности не могут претендовать на звание «объективных»** (в марксистском понимании этого термина). Можем ли мы сегодня утверждать, что высказывание «свет — это поток частиц» является объективной истиной? Конечно же, нет, ибо нет никакой гарантии, что «диалектическая спираль» не совершит в будущем очередной характерный «виток» и наша «объективная истина» не обернется вдруг своей противоположностью, т.е. «объективной ложью», пусть и на более «высоком» уровне. По тем же причинам нельзя «объективно» утверждать и обратного — что «свет не есть поток частиц». А как называется положение, ни подтвердить, ни опровергнуть которое мы не можем? Даже школьник знает, что оно называется **«ГИПОТЕЗА»**. Что и требовалось доказать.

Понятно, подобные рассуждения можно распространить абсолютно на любое высказывание, абсолютно на любую истину и убедиться в их «объективной» гипотетичности. Нет, я не отрицаю тот факт, что есть положения, в истинности которых никто, кроме, может быть, «обитателей желтых домиков» не сомневается, я говорю о другом: нет никаких убедительных доказательств, что даже такие положения действительно являются объективными истинами. Отсюда следует подход, который, при всей своей нелюбви к безапелляционным суждениям, считаю единственно верной позицией человека науки: **ученый всегда должен допускать возможность появления такой аргументации, которая заставит его пересмотреть вопрос об истинности абсолютно любого принятого им ранее положения** (отступление от этого подхода есть дорога в догматизм, и, если вы — бездумный апологет какой-либо теории, пусть даже своей собственной, то нам с вами не по пути). Одним словом, любая, даже самая привлекательная, самая

очевидная для нас истина в любой момент может потерять вдруг свою привлекательность и очевидность — и даже вообще перестать восприниматься как истина. Где в такой истине находится пресловутое «зерно объективности» — одному Богу известно (хотя для агностика и это не факт) и, делая здесь выводы в пользу учения Канта — о том, что «вещь в себе» достоверно непознаваема, — не забудем еще раз подчеркнуть, что для последовательного сторонника научного агностицизма объективное существование последней также находится под вопросом.

Сторошников марксизма можно понять: **есть определенная соблазн объявить «объективными» ряд истин, особенно тех из них, которые принято относить к так называемым «проблемным», «несомненным», «вечным».** Человек по своей природе склонен трансцендировать за пределы ощущений, приписывая образам сознания тождество некоторому «внешнему бытию». Кроме того, он ведь не Робинзон на острове: взаимодействуя друг с другом, решая сообща какие-либо задачи, люди вынуждены принимать некие общие положения, значение которых выходит за рамки одного субъекта. В этих условиях целесообразно не подчеркивать субъективный характер наших знаний, а абстрагировать от него, переходя к «объективности». Любое философское учение, рассчитывающее на широкое практическое применение, должно удовлетворительно решать проблему «объективности» в смысле «интерсубъективности» знания, ибо в противном случае оно заранее обречено остаться умозрительной кабинетной теорией. Однако концепция «объективной истины», призванная решать эту проблему в марксизме, на деле не решает ее, а лишь создает видимость такого решения: ведь если ни одну конкретную истину с достоверностью нельзя объявить «объективной», то тогда грош цена построениям г-на Энгельса на практике.

Тем, для кого авторитет марксизма по-прежнему высок, а вся скромная проза — отнюдь не кладезь премудрости, можно посоветовать еще раз обратиться к приведенной выше ленинской цитате про «материю исчезает» и внимательно ее обдумать. Это ведь не я — это **ОН** написал: «...исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными...». Значит, Ленин признает, что «вечные» истины исчезают! Значит, Ленин признает, что любая «вечная» истина может исчезнуть, ибо чем одно «свойство материи» «объективнее» другого?! А если теперь предположить, что все «объективные свойства» материи вдруг «улетучиваются», то что у нее остается в итоге? **НИЧЕГО.** Остается одна мертвая абстракция, за которую материалисты хватаются, чтобы спасти свое незаконное, паразитирующее на «натурализме» человеческой природы влияние в физике от наступления идеализма и агностицизма.

Итог сказанному, как это, может быть, ни парадоксально, подводит сам Ленин: «...единственное (! — Р. Я.) «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания». Интересно, осознал ли он, какую дорогую цену пришлось заплатить, чтобы отстоять материализм «по букве» перед лицом потрясенной в физике? Ему пришлось для этого **очистить «объективную» истину не только от опыта, но и от всех надопытных теоретических построений, превратив ее в абстрактную фикцию, лишенную, как уже говорилось, всякой практической ценности:** если такая «истина» не позволяет нам сказать о материи ничего достоверного, кроме того, что она «в принципе» отражается, то предлагать подобную концепцию научному сообществу означает опять же «важничать пустышкой».

6.6. Об одном блистательном подтверждении критики Уордом «механической теории»

Итак, вывод, к которому мы приходим, анализируя «деструктивные» идеи Уорда, однозначен: **любое научное положение, любое «понятие естествознания» есть не более, чем гипотеза,** даже если вероятность ее «объективной истинности» оценивается нами как бесконечно близкая к единице, и, действительно, «...механическая теория, как обязательное (! — Р. Я.) объяснение мира, получит смертельный удар от прогресса самой механической физики» [с. 275]. Отсюда, в частности, следует, что и атомы, и эфир — это тоже гипотезы, и если в отношении первой марксисты еще могут пытаться спекулировать на человеческой вере в ее «истинную» объективность и «вечность», то в отношении второй история оказалась безжалостнее. В начале V «физической» главы своего сочинения Ленин цитирует Динэ-Данеса, как тот в положении «атом есть только сущность эфира» увидел блистательное подтверждение диалектики Энгельса и бурно этим восхищается. После слова «эфир» в указанной цитате имеется редакторская сноска и соответствующее примечание в свете интересующей нас полемики выглядящее очень ядовито для теории «объективной истины». Приведем самое существенное из этой справки:

Джордж Беркли (1685–1753)

«В. И. Ленин пользуется понятием эфира, общепринятым в физике еще в начале XX века. Идея эфира как осбой материальной среды, заполняющей все пространство и являющейся носителем света, сил тяготения и т. п. была выдвинута в XVII веке... Наибольшее развитие... получило понятие светового эфира...; в дальнейшем возникла гипотеза (! — Р. Я.) единого эфира. Однако по мере развития науки понятие эфира приходило в противоречие с новыми фактами. Несостоятельность гипотезы (! — Р. Я.) эфира как универсальной механической среды была доказана теорией относительности...» [с. 374].

Вот как философские пресмычки Ленина в Институте марксизма-ленинизма, объявившие одно из «понятий естествознания» не более, чем «рабочей гипотезой», фактически встали на сторону «Уорда К^о», т. е. «современного, культурного фидсизма»! Вот как приходится (и еще не раз придется) подгонять непригодную теорию под требования науки, чтобы не потерять доверия специалистов! Так не лучше ли поискать философские идеи, не противопоставляющие, а сочетающие «объективность» с «гипотезностью»?

6.7. О неубедительности конструктивных выводов спиритуалиста

Примечательно, что в искусстве «черного оппонирования» Уорд оказался также отменно эффективным, как и Риккер, и вдвоем они проделали массу полезной работы во славу агностицизма, буквально кирпичика на камне не оставив от претензий каждой из «физических» школ победить в их философском столкновении. Не менее полезной в этом отношении, хотя и не столь плодотворной по результатам, дуэли «Уорд–Риккер» показала себя также в области «позитивного философствования», когда **оба дискуссионера продемонстрировали свою неспособность привести решающие доводы в поддержку собственной теории**, причем «профессионал» Уорд выглядел здесь ничуть не более убедительно, чем «любитель» Риккер: его аргументация настолько невыразительна, что, по нашему мнению, не следует тратить много сил на ее подробный анализ. Уорд, по-видимому, считает, что сказанного против материализма вполне достаточно, чтобы методом «отрицания отрицания» сделать выбор в пользу «символизма», поэтому конструктивными обоснованиями последнего он, судя по Ленину, не очень-то и увлекается. Здесь можно выделить два момента.

Во-первых, Уорд сразу заключает «против признания их (материи и движения — Р. Я.) последней субстанцией, а не наиболее абстрактным символом для суммы существования» [с. 276]. Явно поспешный вывод. Справедливо, что «механическая теория» есть «необязательное объяснение мира», но то, что это есть «невозможное объяснение» — отнюдь. Материя может существовать именно как субстанция, даже если ничего достоверного мы о ней сказать не можем; взять хотя бы «вещь в себе» у Канта. Поэтому с ходу отвергать субстанциальное рассмотрение материи, как это делает Уорд, нет решительно никаких оснований.

Во-вторых: «Мы никогда не дойдем до бога через голый механизм» [там же]. Ну и что же, если не дойдем? «Спиритуалист» Уорд, конечно, может считать, что в философских изысканиях нужно непременно «дойти до бога». Однако для рационально мыслящего «человека науки» любой такой априори навязываемый вывод в принципе неприемлем как догма. Для него это, не устанем повторять, лишь еще одна гипотеза, содержание которой выходит за рамки опыта и «ощущений рефлексии»¹. Именно поэтому существование бога, точно так же, как и существование материи, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть никакими рациональными доводами. Многие исследователи вообще, словами Лапласа, «не нуждаются в этой гипотезе». Отсюда человек, отказывающийся от «невежественной веры в материю и движение» в пользу столь же «невежественной» перед лицом разума веры в бога, в глазах агностика совершает в высшей степени нелогичный поступок, пусть даже он хоть трижды «спиритуалист».

С другой стороны, почему бы нам не «дойти до бога» через «неголый» механизм, точнее, материализм, провозгласив тезис о том, что материя из своих «недр» порождает высшее существо, которое затем ею и управляет? В этой связи нужно отметить, что некоторые системы объективного идеализма все же последовательнее материалистических учений, которые «хромают на одну ногу», провозглашая «материю» и одновременно отрицая «высшее существо». Конечно, отсюда не следует, что объективный идеализм имеет особые преимущества перед материализмом в глазах широкой публики, аналогичные тем, которыми пользуются объективистские концепции в сравнении с субъективистскими; верно и обратное — «воинствующему» атеизму не удалось вытеснить «фидсизм» из обращения.

Объяснять эти последние выводы исключительно по-марксистски — политикой — не совсем верно: более глубокие причины, на наш взгляд, кроются в самой человеческой природе. По-видимому, дело здесь в том, что «вера в высшее существо», в отличие от «веры во что-то внешнее» (т. е. органически присущего человеку «наивного реализма», предопределяющего его интуитивный выбор в пользу объективизма), не является необходимым свойством человеческой природы. Младенец еще не обладает этим свойством, требуется для начала соответствующее религиозное воспитание, затем — собственные искания и размышления на фоне жизненных невзгод, результаты чего закрепляются примерно так же, как павловский «условный рефлекс» у животных. Если воспитание — религиозное или атеистическое — отсутствует, то вопрос о «высшем существе» встает не сразу и можно представить себе не очень «далекого» человека, до которого этот вопрос так и не «доходит» в течение жизни. Гораздо больше, я думаю, на све-

¹ По Юму — «впечатления рефлексии» (см., например, [6, с. 680]).

людей, которые, даже несмотря на полученное «воспитание», с «высшим существом» однозначно не определяются и в качестве «рефлекса» у них закрепляется сомнение. Что ж, это и есть здравая позиция агностицизма, другое дело, в какой степени подобные взгляды являются жизненным подспорьем.

Одним словом, наличие как верующих, так и атеистов, а еще больше тот факт, что тех и других не слишком уж много и бродит по белу свету, свидетельствует о том, что человеческой природе однозначно не присущи ни «наивная вера в высшее существо», ни «наивный атеизм». Отсюда философские спекуляции на этих чувствах значительно менее эффективны, чем на том же «наивном реализме». Стоит также отметить, что большое число исследователей прекрасно сочетает в себе «наивный реализм» с «наивной религиозностью» — и это совершенно не к выгоде марксистов, поскольку идет вразрез с их навязчивой идеей истолковывать «наивный реализм» как материализм «стихийный».

7. ДВА НАПРАВЛЕНИЯ В ФИЗИКЕ И СУБЪЕКТИВНЫЙ СУБСТАНЦИАЛИЗМ (ВЫВОДЫ)

Наконец, настал черед подвести некоторые итоги: так что же у нас, собственно говоря, «рожает» физика в смысле философии? Сколько направлений или школ там борется — две, как думают Коген, Риккер и Уорд, или же три, по мнению Рея и Гартмана? Может ли кто-то из них «победить» в этой борьбе «за физику»? И какой «победы» вообще можно ждать от философского учения?

Начнем с «количественного» вопроса, который следует, по нашему мнению, рассматривать в двух аспектах: историческом и логическом. В первом случае нас будет интересовать, по каким основным направлениям можно разнести взгляды всех ученых и школ — реальных участников той полемики по поводу достижений физики, которая развернулась на рубеже XIX–XX столетий. Во втором случае нужно будет задуматься над тем, какие основные, принципиально различные позиции вообще возможны в трактовке достижений физики. Причины такого раздвоения при изучении данного вопроса кроются в упомянутой выше «ошибке» эмпириокритиков (как, собственно, и всех агностиков старшего поколения), приведшей к искажениям «логического» из-за сужения возможностей агностицизма. Не будем, однако, забегать вперед — начнем с «исторического».

7.1. Спор «физических» школ в «историческом» аспекте

Истина здесь, как мы считаем, рождается в споре Уорда и Риккера: ДВА направления, а не три, противостоят друг с другом. Выше, при разборе этого спора, уже приводились философские платформы каждого из сталкивающихся направлений: первое — «за метафизику», которое, если отойти от «наивности», объединяет материализм и идеализм объективный, второе — «против метафизики», оно стоит за «удобные фикции», включая агностицизм и идеализм субъективный. И Риккер, и Уорд, как мы видели, по существу так и трактуют «кризис физики»: разница у них только в терминологии. Ленин и Коген подходят к вопросу грубее, забывая каждый о своих философских союзниках в разразившемся «кризисе»: первый ничего не говорит об объективном идеализме, истолковывая кризис в интересах исключительно своей разновидности материализма, второй умалчивает об агностицизме, ратуя за субъективный идеализм.

Однако и у них получается, что сталкиваются именно ДВА направления, существо разногласий которых от такой «забывчивости» не изменяется. В рассмотренном нами «историческом» материале остались еще мнения Рея и Гартмана, которые, вроде бы, на первый взгляд, не поддерживают такое «двухполюсное» видение проблемы. Если, однако, копнуть поглубже, то оказывается, что обе точки зрения прекрасно вписываются в схему Риккера–Уорда.

Обратимся еще раз к Рею. Кроме концептуалистской и механистской школ, что буквально «один в один» соответствует теории двух направлений, Рей, как мы помним, выделяет еще «промежуточную между ними, критическую школу», в числе приверженцев которой называется один Анри Пуанкаре. Каковы взгляды Пуанкаре? Вслед за Лениным мы привели выше две цитаты, из которых, как выяснилось, нельзя было сказать о позиции их автора ничего определенного, хотя Ленин, будучи видным специалистом по «агностическому идеализму», заключил: «Это — выводы идеалистические». Несколько ранее в своем труде Ленин дает более информативную цитату о Пуанкаре со ссылкой на Юшкевича, из которой ясно, что, во-первых, Пуанкаре еще не записан в идеалисты, а ходит пока в агностиках, во-вторых, его философский авторитет для Ленина не высок (автор последовательно проводит эту мысль на разных страницах своей книги) и, в-третьих, это главное, Пуанкаре, оказывается, придерживался все той же теории «удобных фикций»:

«На ту же дорожку агностицизма сбивается постоянно из французских писателей разбираемого нами философского направления Анри Пуанкаре, крупный физик и мелкий философ, ошибки которого П. Юшкевич объявил, разумеется, последним словом новейшего позитивизма, до такой степени «новейшего», что даже понадобился

Герман Коген (1842–1918)

новый «изм»: эмпириосимволизм¹. Для Пуанкаре (о воззрениях которого в целом будет речь в главе о новой физике) законы природы суть символы, условности, которые человек создает ради «удобства» [с. 161].

Таким образом, каковы бы ни были детали философских взглядов Пуанкаре, в целом его позицию можно отнести к направлению «против метафизики». То же у Гартмана, который рассматривает «третью» систему — энергетическую — как промежуточную (прямо называя ее при этом агностицизмом) и признает, что «она есть «союзник чистого динамизма, ибо устраняет вещество»» [с. 280]. Итак, «историческое» рассмотрение «кризиса физики» по материалам, собранным Лепиным, действительно приводит нас к **выводу о существовании в то время в науке именно двух противоборствующих направлений.**

7.2. Спор «физических» школ в «логическом» аспекте

Подойдем теперь к тому же самому вопросу «логически»: а сколько путей разрешения «кризиса» в физике должно существовать для пресловутого «испрядвзятото исследователя»? В такой постановке, надо признаться, вопрос попахивает риторикой, потому что, как уже обсуждалось выше, из позиции каждого философского учения или школы вытекает свой вариант разрешения «кризиса», не обладающий достоверностью в однозначных суждениях о «метафизике», и все эти учения и школы группируются по ТРЕМ основным направлениям, названным нами соответственно объективизмом (объединяющим все известные разновидности объективного идеализма и материализма, а также кантианство), субъективизмом (т.е. субъективным идеализмом, разделяющим установки берклианства по отношению к внешнему миру) и, соответственно, агностицизмом, так что в самом поставленном вопросе фактически уже заложен ответ в виде триады. Так почему же в истории философии получилось не три, а два направления «борьбы за физику»? И при ответе на этот вопрос мы опять возвращаемся к той самой «ошибке» эмпириокритиков, примкнувших к субъективистскому направлению: последовательно придерживаясь агностицизма, они не имели права этого делать. Рассмотрим, в чем здесь дело, подробнее.

7.3. Об особой роли философии агностицизма

Ясно, что привлекать метафизику для объяснения физики — это последовательная позиция объективизма, и позиция эта господствовала в физике веками, потому что и философия все эти столетия была исключительно объективистской. Объясняется это просто — все тем же самым «наивным реализмом» человека, которому долгое время и в голову-то не приходило усомниться в существовании «внешнего» мира. Но вот Беркли совершает воистину копернианский переворот в философии, объявляя внешний мир «призраком пустого имени», и рождается новое направление — субъективистское — давнее начало которому из того, что известно под названием «субъективного идеализма». Отрицание метафизики в физике есть прямое следствие позиции субъективизма, и здесь мы находим второе направление, антагонистичное первому. Но если есть «тезис», есть «антитезис», то где же синтез? Синтез должен был придти из философии Юма, родоначальника третьего основного направления. Что нужно было сделать? Нужно было постараться **соединить в «третьей» философии позитивные идеи каждого из двух направлений**, избавившись попутно от присущих последним недостатков. Так, по первому направлению уже отмечалось, что оно **лучше соответствует человеческой природе и является основным поставщиком философских идей**, конструктивных для общечеловеческой практики. В то же время это направление грешит **антинаучной догматикой**, поскольку принимает в качестве несомненной объективной истины такие положения, которые не имеют опытного подтверждения и могут быть оспорены разумом. Второе направление, наоборот, своим **научным скептицизмом**, способным отрезать любые горячие догматические головы, но **вступает в противоречие с человеческой природой** и потому упорно не приживается в широкой практике.

Настоящий агностик не должен ни бросаться безоговорочно в объятия метафизики, ни отвергать ее напрочь: нужно подходить к каждому выдвигаемому внеопытному положению именно как к гипотезе, ни подтвердить, ни опровергнуть которую у нас нет и никогда не будет достаточно данных. Следует лишь оценивать целесообразность практического использования той или иной гипотезы, ориентируясь на «бритву Оккама»². Что же мы при этом получаем в результате? Тот самый философский синтез, которого искали: мы и метафизику привлечем для объяснения явлений, и отрицанию ее место находится, поскольку всякая гипотеза представляет собой увершение и громогласно декларируемое сомнение. Это как раз и есть «скептицизм по отношению к содержанию понятий», о котором писал Карстаньен³, с той разницей, что известные «метафизические» понятия, например, «материя», следует, по нашему мнению, наполнять не «опытным» содержанием, т.е. «ощущениями», как это очень искусственно пытались делать эмпириокритики, а внеопытным, неопределенным, т.е. фактически устраняясь от выяснения вопроса о реальном содержании понятий. Совершенно неважно, является ли на деле материя «объективной реальностью» или же просто «удобной фикцией» («нулевое», «пустое» содержание), потому что само понятие

¹Учение позитивиста П. С. Юшкевича — Р. Я.

²Принцип «сущностей не следует умножать без необходимости», выдвинул У. Оккамом и соответствует позитивистскому принципу экономии мышления (см., например, [7, с. 1069]).

³См. [с. 64].

образуется путем абстрагирования от какого бы то ни было реального опыта. А если неразрешимый вопрос к тому же не представляет для нас интереса и с прагматической точки зрения, то его можно и пужливо с легким сердцем отбросить, сделав это, правда, не по наивности, а вполне осознанно, оставив возможность найти любой ответ для тех пытливых умов, которые испытывают страсть к гаданиям на кофейной гуще.

Эдуард Гартман
(1842–1906)

Другими словами, агностик не должен примыкать ни к одному из двух противостоящих направлений, а должен идти своим, третьим путем, преодолевающим эту противоположность на более высоком уровне. К сожалению, эмпириокритики не пошли этим путем, а, отказавшись трансцендировать за пределы ощущений, добровольно свернули на дорогу субъективизма, отчего их агностицизм не стал, конечно, идеализмом, но безусловно захромал на одну, а именно — объективистскую, ногу. Как уже было отмечено, тем самым они дали формальный повод для обвинений в идеализме, чем и воспользовался наш бывший «вождь и учитель». Интересно, что «истинно-немецкий черносотенец» Гартман, зарскомсидовавший себя на страницах ленинской книги, едва ли не как самый крупный авторитет в «околофизическом» споре, чувствует разницу между идеалистическим «динамизмом» и агностической «энергетикой»: «ее агностицизм не нравится Гартману, как некоторая «англомания», противоречащая настоящему идеализму...» [с. 280]. Гартман косвенно указывает на эту «ошибку» эмпириокритиков, когда замечает, что «новокантианское и агностическое течение нашей эпохи привели к тому, что конечные результаты физики стали истолковываться в идеалистическом (! — Р. Я.) смысле» [с. 279].

7.4. Так что же «рожает» физика?

Теперь несколько слов о том, может ли одно из трех противоборствующих направлений победить в «кризисе физики», а также за его пределами, и, если да, то каков будет смысл этой победы. Ясно, что никакого достоверного ответа о существовании или несуществовании метафизики не имеется

и победить, предоставив прямые доказательства «объективной истинности» своей философии и, соответственно, «объективной» несостоятельности философии конкурентов ни одно направление не может. Можно, другими словами, признать, что за пределами опыта физика может «родить» только то, что принимает у нее философская повитуха: не зря Ленину, например, кажется, что «она рождает диалектический материализм» [с. 306], тогда как, скажем, Коген уверен в обратном — что «теоретический идеализм стал колебать материализм естествоиспытателей и, может быть, скоро уже окончательно победит» [с. 277]. Победа здесь может быть только в смысле предпочтительности философии по тем или иным «критическим» критериям¹ — она будет за той философией, которая уйдет от догматической предвзятости в споре о существовании внешнего мира и, со всей достоверностью провозгласив этот основной по субъективному субстанциализму вопрос философии неразрешимым, обойдет его, на деле превзойдя тем самым противоречие объективизма и субъективизма. Ясно, в каком направлении следует искать такую философию.

7.5. Каким видится «историческое» значение «кризиса физики»

Наконец, осталось еще сказать о так называемом «историческом» значении «кризиса физики»: пафосом состоявшийся «перелом философского мира» этой науки, в результате чего объективизм потерял свое абсолютное влияние на физику. Как бы там Ленин ни рассуждал по части акушерства и гинекологии, субъективизм все же отвоевал у объективизма свою долю «физического пирога», доказав, что и в этом направлении можно получить удовлетворительное объяснение результатов физики. И пусть «наивный реализм» исследователей оказался, по большому счету, камнем преткновения для субъективистских концепций, безусловно, проигравших в борьбе за влияние на широкие массы физиков, этот факт несколько не затмевает главный общий вывод о том, что, возвращаясь опять к словам Уорда, «механическая теория как единственное объяснение мира» получила «смертельный удар». Наверное, это и есть лучший иسرукотворный памятник философскому делу епископа Беркли.

Что же касается агностицизма, то его достижения в «кризисе физики» представляются более скромными, чем успехи «союзника». Агностики хотя и смогли предложить свои способы решения проблемы, обладающие научной новизной² и не противоречащие сущности агностицизма, однако все их идеи оказались целиком в «концептуальном пространстве» субъективизма и сработали, скорее, на руку последнему. Но, как бы то ни было, еще раз подчеркнем, что наглядно проявившаяся в «кризисе физики» близость онтологии субъективизма и традиционного агностицизма несколько не дает Ленину права смешивать одно направление с другим, преследуя свои «партийно-философские» цели.

¹ о критериях предпочтительности философских учений см. [8, с. 218].

² Этот вывод выходит за рамки данной работы — Р. Я.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Предмет философии выходит за рамки эмпирического опыта, и в этой метафизической части его достоверность не может быть ни доказана, ни опровергнута. Отсюда следует, что **каждое из философских учений здесь может в равной степени претендовать на обладание объективной истиной**. Если учения противоречат друг другу, то марксистская концепция существования единственно объективной, абсолютной и относительной истины, отражающей сущность предмета, наталкивается на затруднения, поскольку неизвестно, за какой именно метафизической спекуляцией следует признавать монополию на истину. Остается либо отказаться от использования концепции объективной истины, что ставит под сомнение ценность философского объяснения мира и неприемлемо из-за существования у человека потребности в таком объяснении, либо изменить эту концепцию, допустив **возможность одновременного существования нескольких объективных истин для различных субъектов**.

2. К началу XX века на фоне успехов физики и других естественных наук возник и получил распространение эмпириокритицизм (махизм) — философское учение, развивавшее агностицизм Юма и традиции позитивизма. Его конкурентом в борьбе за влияние на естествознание выступил диалектический материализм Маркса—Энгельса как новое слово материалистической философии. Полемике двух учений посвящена ленинская книга «Материализм и эмпириокритицизм», и до недавнего времени в отечественной философии считалось, что ее автор «показал, а дальнейшее развитие естествознания подтвердило, что диалектический материализм есть единственно верная философия естествознания» [с. 16]. Многие исследователи, особенно в сфере частных наук, по сей день придерживаются подобных взглядов. Кроме того, ленинская критика махизма задевает и авторское учение субъективного субстанциализма, продолжающее философскую линию Юма. Вот почему анализ этой критики становится актуальной задачей настоящего исследования.

3. Критикуя Маха, Ленин неоправданно расширяет область определения понятия «идеализм»: ленинская редакция позволяет относить к этому понятию какие угодно учения, вплоть до материалистических. **Эмпириокритицизм, например, нельзя относить к субъективному идеализму**: во-первых, он не отрицает, а лишь игнорирует существование внешнего мира и, во-вторых, эмпириокритицизм избегает также внеопытных предположений о внутреннем мире познающего субъекта. Этим он отличается, например, от учения Канта, которое нельзя относить к агностицизму как третьей философской линии, потому что данное учение дуалистично соединяет в себе элементы субъективного идеализма (ядро учения — «априоризм») и объективизма («вещь в себе»).

4. Основной недостаток философии эмпириокритицизма, на наш взгляд, состоит в том, что она не преодолевает установки Юмова скептицизма, связанной с **отказом от конструктивного использования гипотезы о существовании внешнего мира**. Данная установка не только противоречит «наивному реализму» человеческой природы, но и сужает возможности агностицизма, ограничивая его онтологию исключительно рамками опыта. Следствием этого стали **трудности эмпириокритической философии по описанию интересной субъективной деятельности людей**, обесценивающие декларируемую махизмом «экономия мышления», а также возможности для спекуляций о принадлежности эмпириокритицизма к идеализму субъективного типа.

5. В «кризисе физики» эмпириокритицизм и субъективный идеализм действительно выступили как союзники, поддержав «теорию символов». Случилось это из-за упомянувшейся в выводе 4 ошибки эмпириокритиков, ограничивших свою онтологию «комплексами ощущений» и приблизивших ее тем самым к берклианской. Однако, общая позиция в данном частном вопросе не отменяет принципиальных различий между двумя направлениями, остающихся здесь «за кадром». Точно так же и противоположная символизму теория — «натурализм» или «механизм» — фактически объединила представителей материализма и объективного идеализма (о чем Лешин умалчивает), различия во взглядах которых также сохраняются. Другими словами, **«кризис физики» неверно представлять как борьбу материализма с идеализмом** и анализ трудов представителей различных философских школ, местами бесцеремонно «закомментированных» Лениным, подтверждает этот вывод.

6. Относительно самого «кризиса физики» необходимо признать, что ни одна из противоборствующих сторон не смогла и не может в принципе продемонстрировать свое исключительное право на обладание научной истиной: нельзя вынести никаких достоверных суждений о существовании или несуществовании объективной реальности, о ее делимости или неделимости, познаваемости или непознаваемости. Отсюда вытекают **преимущества агностицизма как философии, наиболее обоснованной с точки зрения научной достоверности**, которых эмпириокритики не сумели убедительно раскрыть.

7. На примере «кризиса физики» виден такой важный недостаток гносеологии диалектического материализма, как **крайне низкая практическая ценность учения об объективной истине** из-за отсутствия достоверных критериев объективности в человеческом знании. Критерий практики, предлагаемый марксистами, не может быть применен ввиду возможности противоречивого толкования содержания любого опыта на различных этапах развития науки. Другими словами, любое научное положение есть не более чем гипотеза с некоторой, отличной от нуля, вероятностью и концепция «объективной истины» освобождается, таким образом, от всякого реального опыта.

8. Историческая заслуга эмпириокритиков, на наш взгляд, состоит в том, что они смогли на основе юмизма и раннего позитивизма построить **полноценный агностический научный базис**: словами Дж. Уорда можно сказать, что «механическая теория как единственное объяснение мира» получила «смертельный удар». Эмпириокритики почувствовали особую роль философии агностицизма — они попытались, но не смогли снять противоречия объективизма и субъективизма из-за того, что их конструктивные решения (онтология, гносеологическая «теория символов») целиком остались в русле последнего.

9. **Агностицизм может превзойти противоположность объективизма и субъективизма** — субъективный субстанциализм ставит перед собой такую задачу. Объективизм господствовал в науке веками и философия все это время была также объективистской в силу особенности человеческой природы, называемой «наивным реализмом», которая играла в истории примерно ту же роль, что и пятый постулат Евклида играл в геометрии. И такой же революционный переворот, какой в геометрии совершил Лобачевский, в философии совершает Беркли, объявляя внешний мир «призраком пустого имени»: рождается новое направление, антагонистичное первому — субъективизм. Синтез двух направлений должен прийти из философии Юма — в этом и состоит особое назначение агностицизма. «Третья философия» должна соединить позитивные идеи каждого из направлений, избавившись от их недостатков. Так, первое направление является основным поставщиком конструктивных философских идей, но грешит антинаучной догматикой. Второе же направление сильно своим научным скептицизмом, однако вступает в противоречие с человеческой природой и не приживается в широкой практике.

10. Философская идея, которая, на наш взгляд, раскрывает синтетическую роль агностицизма, частично затрагивается в выводе 7: **к каждому выдвигаемому внеопытному положению следует подходить как к гипотезе**, ни подтвердить, ни опровергнуть которую у нас нет и никогда не будет никаких оснований. Реализация указанной идеи в философском учении позволит, с одной стороны, привлечь «метафизику» для объяснения явлений, а, с другой, — обеспечить содержательный скептицизм, поскольку всякая гипотеза представляет собой уверенно и громогласно декларируемое сомнение. С практической точки зрения также неважно, является ли, например, подобная гипотетически существующая материя и в самом деле «объективной реальностью» или же просто «удобной фикцией» («нулевое», «пустое» содержание), потому что само это понятие образуется путем абстрагирования от какого бы то ни было реального опыта. Положение о «гипотезности» мира на деле примиряет «механизм» и «символизм» в их извечном «физическом» споре: первый пусть идет дальше и принимает внешний мир за объективную реальность, второй — видит в нем еще один «символ», вводимый для удобства человеческой природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии / В. И. Ленин. М.: Политиздат, 1969.
2. Философия: учебник для высших учебных заведений. Ростов н/Д.: Феникс, 1998.
3. Абдеев, Р. Ф. Философия информационной цивилизации / Р. Ф. Абдеев. М.: ВЛАДОС, 1994.
4. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Предисловие к кн.: Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критич. заметки об одной реакционной философии. М.: Политиздат, 1969.
5. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1982.
6. Юм, Д. Трактат о человеческой природе / Д. Юм. Мн.: ООО «Попурри», 1998.
7. Новейший философский словарь: 2-е изд., переработ. и дополн. - Мн.: Интэрпрэсссервис; Книжный Дом, 2001.
8. Ярцев, Р.А. О единстве и борьбе философских противоположностей в современной науке / Р. А. Ярцев // Вестник УГАТУ. Уфа, 2000. № 2. С. 217–219.